

НОВАЯ ПРОЗА

ПЕСОК И ЗОЛОТО

Антон Секисов

издательский дом

Выбор Сенчина

АНТОН СЕКИСОВ

Песок и золото. Повесть, рассказы

«Издательские решения»

Секисов А.

Песок и золото. Повесть, рассказы / А. Секисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907016-6

Антон Секисов стал одним из главных открытий последних лет в нашей литературе. Повесть «Кровь и почва» вызвала настоящий вихрь из восторгов и негодования, а рассказы подтвердили, что появился новый, яркий, талантливый автор... Секисов пишет порой зло, порой лирично, гротеск соседствует с предельным реализмом, темные тона перемежаются кристально чистыми... В сборник «Песок и золото» вошли повесть и лучшие рассказы Антона Секисова, написанные в 2015 — 2017 годах.

ISBN 978-5-44-907016-6

© Секисов А.
© Издательские решения

Содержание

Кровь и почва	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Песок и золото

Повесть, рассказы

Антон Секисов

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Антон Секисов, 2018

ISBN 978-5-4490-7016-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кровь и почва

Повесть

«Я ухожу от вас. Увольняюсь», – Гортов бросил на стол заявление, и оно пролетело мимо стола.

«Почерк как у дегенерата», – хладнокровно подумал босс, расписываясь.

С этого дня Гортов стал свободен.

Про Гортова пошли слухи, что он то ли сошел с ума, то ли стал очень верующим – так его бывшая довела его: выпила за полгода всю кровь, а потом трахнула на его же глазах его друга.

Гортов перестал выходить из дома и отвечать на звонки, а скоро вовсе сбежал из города. В валдайских лесах гнил брошенный деревянный дом его семьи, и Гортов убедил мать, что ему надо ехать туда, чтобы привести в порядок и дом, и свою голову.

***

Гортов уехал из просторной и пыльной, как старый шкаф Москвы с возвышенными намерениями. Он думал если не о просветлении, то о каком-то рывке души, но когда он вселился в дом, то все больше лежал на печи, вяло обдумывая существование. Смотрел на закат – то лежа, то стоя, то сидя. Гортов сделал полезное наблюдение о закатах. Оказалось, если московский закат был похож на нежную девичью ранку на бледной коже, то валдайский – на волчью мокрую пасть, лязгавшую.

По утрам он ходил в сарай и до обеда рубил трухлявые пни. Такая была отдушина.

Гортов не колот дров с самого детства – а в детстве отдал этому много времени. Уже лет с четырех он ходил с дедовым топором по даче, выслеживал бабушку и соседей, и колот попадавшиеся поленья, при этом воображая, что рубит головы. Гнилое нутро чавкало, распадаясь, и кружилась в воздухе мелкая ветхая щепка. Он был счастлив, и все боялись его.

А теперь он, городской житель, тяжело привыкал к орудью. Соскальзывало топорщице, падал пенек, Гортов промахивался все время, несколько раз чуть не покалечив ноги. Гнилое нутро было теперь у него, а бревна, все как одно, были юные, крепкие – поначалу Гортов боялся и топора, и бревен, и щепок, и своих неумелых пальцев, но с практикой все же добился кое-каких результатов: однажды даже срубил целое широкое дерево, все не желавшие покоряться – оно упало только тогда, когда была отделена от пня последняя стволовая ниточка.

Иногда накатывала тоска. Тогда Гортов ездил по просеке на ржавом велосипеде «Кама» и плакал. Небо разглаживалось. Вися на деревьях, как валенки, на Гортова с любопытством глядели соколы.

***

Еды не хватало. Чтобы успеть к автолавке, нужно было рано вставать и долго идти. Магазинов поблизости не было. Покупал кое-что у местных, стараясь особенно не сближаться с ними. Деревенские жители напрашивались в гости и звали к себе, добрые и красномордые люди, обветренные, с сухими шелушащимися лицами, словно вытертыми наждачкой.

Но как-то Гортов все же сошелся с местной. По-своему симпатичная, но с боксерской увесистой челюстью и большими, как кляксы, веснушками. Звали Женей. Женя любила рассказывать о себе. Рассказы ее потрясали. Выяснилось, что ее сестра умерла, и отец в тюрьме, и она живет с одной только бабушкой. Как так случилось? Однажды учитель оставил в школе

ее сестру до сумерек. Она возвращалась домой через лес, и ей там встретились волки. На следующий день отец пришел в школу с ружьем – мозги учителя как гирлянды повисли по стенам.

***

Гортов и Женя гуляли по лесу. Иногда они случайно соприкасались, и Женя что-то шептала нежно и слишком приближалась к нему – Гортов чувствовал, что всё это ему теперь больно, трудно.

А однажды, в жару, они собрались на пляж. У реки разделись. От вида женского тела Гортова затошнило.

Хромая и морщась от ветра, он быстро нырнул и поплыл на другой берег. Он знал, что обратно уже не повернет. Что дальше – не думал. В итоге он чуть было не утонул – задыхаясь, еле догреб до земли, заляпанный черной тиной. Потом, отлежавшись, побрел по песочной косе, нашел узкое место, переплыл в обратную сторону, уже во тьме, и незаметно пробрался к дому.

По вечерам он не включал свет и сидел взаперти. Время от времени видел, как ее растерянное большое лицо мелькает возле забора.

***

Гортову нравилось его одичание, но не нравился антураж, в котором оно шло. Ему было грустно сидеть в лесу, среди навсегда отсыревших досок. Бродя без смысла и дела по просеке, он убивал насекомых и ел сладкие ягоды. Он стал бояться инфекций и ночных посторонних звуков. От насыщения свежестью голова распухала и то устремлялась ввысь как воздушный шар, то будто бы наливалась оловом. Воздух пьянил до галлюцинаций.

Как-то, силясь занять себя, Гортов с ожесточением вскапывал землю, и не сразу заметил, что безнадежно бьется во что-то твердое, как будто в камень. В упорстве своем Гортов поранил о гвоздь палец. «Ну все, теперь умру от какой-нибудь глупой средневековой инфекции», – испугавшись, подумал Гортов.

– Куда копаете, юноша, в Царствие Небесное? – спросил вдруг мягкий и близкий голос. Гортов подпрыгнул от неожиданности, уронив лопату.

Перед ним стоял старец в чистых белых одеждах. От порыва ветра благородная борода легла на плечо серой густой волной. Вторым порывом видение смыло.

На другое утро Гортов хотел выйти на двор, но на участке увидел волка. Он стоял возле крыльца и спокойно глядел в глаза человеку. Все удобства были вне дома, а волк все не уходил, и в итоге Гортову пришлось сходить в туалет из окна чердака, что было очень обидно для его самолюбия.

В довершение всего приехала мама. Она не читала нотаций, но молча ходила по дому с щенячьим лицом, с щенячьими страдальческими глазами. Она демонстративно подолгу мыла посуду, вздыхала. «А вот Людин сын в банке работает – в месяц зарплата сто тысяч, а младше тебя», – по вечерам говорила мать. И снова ходила, и снова вздыхала, и снова мыла.

Гортов кусал ногти и нервно выщипывал ржавую бороду. Маялся, крошил бревна с возросшим усердием. Ночами стонал. Надо, надо вернуться в Москву и искать работу. Скручивала в рог, била Гортова по рукам жизнь. Пора, пора, пора.

И тут Шеремет прислал ему смску.

***

Поезд медленно волочился и время от времени замирал. За окном серела дорога. Среди сухих голых сучьев бродило солнце вдали, как будто боясь поезда.

В этом пейзаже воображение Гортова писало русские бытовые драмы: вот азиат-дворник догнал в прозрачных кустах пенсионерку Лидию Аркадьевну, – задрал юбки и теперь грубо насилует; розовый чепчик лежит в стороне. Вот мать кладет новорожденного на рельсы и уходит, не оборачиваясь. Вот отчим бежит с ножом за приемным сыном – сын спотыкается, падает. Отчим бьет его в шею. Причина: пасынок слишком громко разучивал дома поэму «Бородино».

Поезд уже вроде бы подобрался к Москве, но теперь почему-то стоял, и стоял очень долго. Гортов был рад и не рад ощущению близкой Москвы. Клубок туго переплетенных между собой страшных и радостных воспоминаний давил горло. Тревожное, сердце прыгало тяжело, как слонопотам в цирке. А еще в мозг напихали ваты и в уши налили воды. Не шевельнуться.

Зашел контролер и спросил билет. А пошевелиться нельзя, нельзя. Билет, билет. Ваш билет. Но в поездах дальнего следования нет контролеров. А, может быть, есть? Еще вдруг пронзила мысль, что в валдайском доме осталось что-то предельно важное – паспорт? Мобильный? Тюбик зубной пасты? Как же теперь без пасты в Москве?

Гортов выплыл из обморока. Контролеров и близко не было. Приближался вокзал.

***

Гортову нужна была Каменная слобода. Он вышел на свет, и вот уже потянулся забор, трехметровый и серый, в пачкающей извешке. Над забором были видны слободские внутренности – лиловый край префектуры, желтые купола. Заметней других казался большой военный ангар со стеклянным хребтом посередине крыши. На ангаре было написано коричневой вязью: «„Колокол“. Ремонт церковной утвари».

Вдоль забора уже торопился, махал рукой Шеремет. Весь в модном английском плаще, копна тронутых сединой волос на молодой голове, лицо – бледное, тонкое и мальчишеское.

Шеремет был наглядно рад. Сжимая ладонь, даже пискнул от удовольствия, и улыбался на разрыв рта, и глядел лучистыми глазами, словно нацеженными из неба.

– Ах, сто лет не видались. А, может, и двести. Ну что ж, пойдем, – проговорил Шеремет на одном дыхании, и, не теряя хода и не выпуская его руки, потянул Гортова за собой ко входу.

***

Они были знакомы давно – Гортов был студентом у Шеремета. Шеремет тогда был заметный всезнающий аспирант, устремленный в политику. Он днями топтался у Совфеда и Думы, выясняя что-то и пытаясь пролезть и, в конце концов, таки нашел лазейку, укрепился и быстро оброс связями, и уже через месяц стал шагать из одной в другую структуру, взяв с собой адъютантом юного Гортова. Ничего толком не понимая, Гортов ходил за ним.

Сначала была Партия Демократов России. Бледные ветхие люди с иронической пылью на старых глазах – линия рта трагически переломлена, – руководили партией. Шампанская – фейерверки в глазах – молодежь, в желтых и красных штанах, исполняла их указания. Всё вроде бы было отлажено, но внезапно и очень быстро кончились деньги. Шеремет повел его за собой в КПСС. В КПСС были все одинаковы, молодые и старые. Все в пузах, и лысынах, и пиджаках. В каждом движении – разлив неторопливой волны, покой, доброта, зевота. Гортов заскучал, устал, убежал.

Партии поменьше масштабом все время рождались и гибли, как насекомые. Работа была нестабильной – потрудился два месяца, или три, и всё: опять сидишь дома, цветешь вольно и хорошо в грязи, как сорняк. А потом возникало новое. Шеремет его не забывал.

***

У входа стояли двое солдат, и третий сидел в будке. При приближении Шеремета с Гортовым те двое неталантливо напустили на лица суровость, а третий, думая, что его не видят, не поменял скучавшего дряблого выражения. На стене рядом с ним висел портрет неизвестного генерала, а поверх – пыльный пятнистый Калашников.

Состоялись обыск и пропуск. Рука одного из солдат игриво скользнула в промежность к Гортову. Гортов подумал о том, что в такие моменты важно не встретиться взглядами.

***

В Слободу не допускались машины, но ездили брички. На бричке домчались до набережной. Там сели в «Казачьем курене».

Внутри было сыро и мрачно, хотя и горел свет, и топился камин – из темноты на них вдруг кинулся всклокоченный желтобородый старик и как закричал Гортову в ухо: «Сударь! Сударь!», – так весело, что Гортов едва удержался, чтобы не сбежать от него на улицу.

– Чего изволите, сударь!? – старик сиял всеми излучинами лица.

«Морсу!», – хрипло откликнулся Гортов и больше ничего не смог заказать, хотя не ел сутки. За Шереметом радостный дед записал страницу.

Они помолчали, побросав друг в друга внимательных взглядов. Шеремет всегда был очень худой, весь какой-то непрочно сложенный, но глаза – будто привинченные на стальных шурупах.

– Хорошо выглядишь. Что значит на свежем воздухе, – добродушно сказал Шеремет, откидываясь на стуле и стуча по айфону пальцами.

Гортов отвернулся в окно. Колыхались березки, тоненькие, больные, очевидно, хирургически пересаженные сюда из леса. За оградой виднелся причал. В черной Москве-реке удил старый и крепкий, как камень, рыбак. Он сидел, подложив грязный плед, на мраморе. В ногах у него было пиво, а губы от пива были оранжевые. Гортов машинально отер свои.

Принесли морс, а Шеремету – виски.

– Вот почему все хотят жить в Слободe, – подумав, сказал Шеремет. – В Слободe – воздух. Спокойная жизнь. Чисто и малоллюдно. Церкви – куда ни плюнь. Красота! Всё очень душе-спасительно!

При этом Шеремет грубо потер переносицу, и очки два раза подпрыгнули на лукавых глазах.

– Вот в Сити – живого места нет, – еще помолчав, сказал Шеремет, – Только везде этот бетон и едкий лимонный свет, выжигающий всякий разум, – Шеремет даже поморщился и тряхнул головой, словно пытаясь сбросить с нее седину, как перхоть. – А здесь – гляди-ка! – фонтаны, пруды. Всякая живность бегае. Кур здесь встретить – обычное дело. Представь себе, залетают и соколы. А люди какие... доброжелательные. Хотя самый центр Москвы! Вот с бабами – да, проблема – их мало и страшные. Одеваются как монахини. Вообще, молодежи мало. Но это – дела решаемые.

В процессе речи Шеремет весь изулыбался и исподмигивался то ли Гортову, то ли своим, параллельным словам и мыслям. Айфон его многократно вспыхивал и постепенно гас. Его стальные зрачки то и дело скатывались.

Старик подошел с подносом. «Наверное, пьет не просыхая», – зачем-то подумал Гортов про старика.

Шеремет тем временем отложил айфон и решительно перешел к делу:

«Партия „Державная Русь“ набирает силу. Перспективы – самые радужные. Наверху всё обговорено. Со следующего созыва – в Думе, третье место на выборах, с небольшим отставанием (2—4 процента, – показав что-то неопределенное, вращательное рукой, уточнил Шеремет) от КПСС. Вокруг „Руси“ активно создается инфраструктура – в том числе и своя пресса – газеты, интернет-сайты, радио. В обозримом будущем – и телеканал. Разыскиваются толковые люди. Патриотически настроенная молодежь. Работа... Ну что там, речи писать, редактировать, сам знаешь, по мелочи. На самом деле, не бей лежачего. Главное – найти к этим людям подход. Патриоты – они как дети, – Шеремет неожиданно замолчал и, склонившись, в упор поглядел на Гортова: „Принимать благословение знаешь, как?“».

Он покачал головой.

– Странно, а я думал ты... Ладно, справишься. Жить будешь здесь же, я договорился, нормально устроят в келье.

– А что зарплата, и трудовая, и договор? – стал уточнять Гортов.

– За это не переживай. Всё – по совести.

Послышался запах гари, и начались чад и крик, и шипение, и отрывистый мат, и какие-то хрипы. Из кухни выбежал закопченный, вздувшийся человек и бросился к умывальнику.

– Прошу извинить, господа, у нас на кухне чистый содом, – появился старик с подносом.

– Сodom, говорите?.. – сладострастно шепнул Шеремет и подмигнул Гортову. – Ну что, брат, как жизнь-то?

***

От голода у Гортова заболела голова, и он не стал изучать окрестности, а сразу поехал к новому дому.

Сначала показались редкие низкие домики за метровыми, на вершок приподнявшимися над грязью заборчиками – домики были непривычных сиреневых, сизых и бурых расцветок. Пустые участки были разнесены для продажи. Многие только обустроивались, осторожно трогали землю черенками лопаты, а кто-то уже, было видно, намертво впился в землю.

Встретилась ржавая «Волга», утопшая и завалившаяся набок в грязи, без колес. А дальше – напротив, передвижное средство, состоявшее из одних только колес, грузовых и высоких, слепленных между собой ржавыми трубами с досками.

Гортов увидел, как на пустыре рабочие ломали брюхо какому-то стеклянному молодому зданию. Кое-где валялись бетонные плиты в траве. За пригорком начались жилые бараки.

***

В келье было, конечно же, тесновато. Мебели мало – кушетка на коротких и хлипких ногах, стол, шкаф, тумба. В верхнем левом углу – икона со Спасом. Рыжеватый хитон, глаза, дрожащие в мягком свете.

Будто отдельная от него, рука Гортова сотворила крестное знамение. Он бросил сумку с вещами под стол – было лень распаковывать. Под столом внезапно мигнул роутер – пыльный и многоглазый, похожий на грустное ночное животное. Интересно, работает ли?

Окно было в виде узкого и вертикального волнующего отверстия. Черный и мокрый лес проступал из него, а еще – незнакомая серая башенка. В шкафу стола лежали какие-то документы. Гортов достал верхний лист и прочел.

«Купель для крещения младенцев из белой жести; весом 20 фунтов.

Кандия для освящения воды медная, побелена, весом 12 фунтов.

Сосуд для освещения хлебов медный, чеканной работы, с тремя литыми подсвечниками, побелен, весом 3 фунта.

Укропник медный.

Чайник для теплоты красной меди внутри луженый, весит 1 фунт.

Церковная печать медная с деревянной ручкой...»

Какая-то опись.

Кушетка была совсем низкая, у самого пола. От свежих на вид простыней пахло холодной почвой. «Разберемся, ничего», – подумал Гортов, ложась.

Гортов так ничего и не съел за день, и за окном было еще светло, но он закрыл глаза и мгновенно уснул. Ему приснилась его голова, пылающая от боли.

***

Гортова разбудил кошмарный, хлынувший отовсюду стук, как будто ломали небо и землю. Стучали в дверь, дверь шла ходуном, и следом за ней шла ходуном вся келья.

– Кто это? – крикнул Гортов, выпростав из одеяла рот.

– Софья, ваша соседка, – сказал девичий, чем-то обиженный и басовитый голос, и снова послышался стук в дверь.

Последний стук был непреднамеренным, и девичий голос сказал: «Простите».

Гортов представил себе огромную злую женщину и боялся встать.

– Покушайте! – с угрозой сказал голос.

Гортов упрямо лежал.

Тогда ручка двери сама повернулась, и дверь открылась.

Хозяйка баса вошла: крепкие щеки, большие стройные ноги в старушечьих толстых чулках, туго завинченные в бараний рог сероватые волосы. «Как много груди и бедер», – с тоской подумал Гортов, вставая навстречу гостье.

– У нас тут с завтрака много осталось. Я подумала...

– А я Андрей... – сказал невпопад сонный Гортов.

Она принесла чай с лимоном, тосты и кашу. Софья все больше смущалась и наливалась, пыхтя, молча.

«Вы кушайте», – снова сказала Софья.

Гортов стеснялся тоже – только теперь он заметил, что стоит в майке и старых обвисших трусах с очень мелкой, но оттого особенно мерзкой дырочкой. Он надел штаны, со штанами вернулась уверенность.

– А что же вы Софья... Может быть, будем на ты? – как всякий застенчивый человек, Гортов задал этот вопрос небывало развязным тоном.

Софья кивнула без тени романтики – по-пролетарски, «будем».

– Ты... вы все же кушайте, – стояла на своем Софья. – А я потом поднос заберу.

– Хорошо, хорошо, – вслед за штанами Гортов надел и свитер. – А я здесь, так сказать, первый день. Вот хочу разузнать... что тут вообще... в Слободе. Мне расхваливали прекрасный воздух...

– А что воздух, – почесала бедро Софья. – Воздух везде один. Я раньше в Бибиреве у мамы жила. В Бибиреве, оно, конечно, удобнее было – раз! – и в метро, и через 20 минут у центра. Хотя и здесь получается 20 минут, если на бричке. Так что то на то и выходит.

Софья крепко задумалась, на минуту даже забыв про питание.

– А что здесь насчет культурных мероприятий? – спросил Гортов.

– По субботам служит в монастыре отец Иларион. Но очереди к нему серьезные. Сложно внутрь попасть.

– Ну а развлечения? Рестораны? Бассейн? Спорт? Хочется поддержать спортивную форму, – сказал Гортов, который вживую не видел штанги.

– Этого я не знаю. Некогда, работаю и учусь. С утра до ночи. Вы кушайте, все же остынет.

– А вы здесь чем занимаетесь? – спросил Гортов, примериваясь к хлебу.

– Да всем понемногу. За бабушкой вот хожу, живет у вас за стенкой. Хорошая женщина, по-своему добрая. Играла раньше на пианине. У ней же живу в комнатке.

– Интернет хорошо работает?

– Работает, это конечно, работает, но в день часа полтора, если честно. И очень уж медленный. Только страница откроется, и всё. Глухо. Вам лучше флэшку купить.

За стеной прозвучал противный, пронзительный колокольчик: «дзянь-дзянь» от которого жидкие глазки Софьи заледенели.

– Мне пора. Совсем все остыло. Кушайте.

– Я покушаю, – заверил Гортов.

***

Санузел оказался в конце коридора. С ревом и стоном рвалась из трубы рыжая густая вода. Гортов принял рыжую ванну.

Обсохнув, он вышел во двор. Был серый день. Колокола звонили. Мальчик с большой, скачущей на пружинке башкой бежал за котом, чтобы умучить. Кот был проворный, вцепился в дерево и полез к кроне. «Какой уродливый мальчик, даже удивительно», – подумал Гортов, проходя мимо танцующего вокруг ствола ребенка.

В клетке из деревянных прутьев квохтала курица, швыряясь перьями. Злобно кричали неизвестные птицы в саду.

«Мальчик, а где магазин?» – спросил Гортов у мальчика, но тот посмотрел на него как-то дико и вслед за котом стал карабкаться к кроне.

Гортов спустился вниз по тропе, в сторону храма. Над куполами роились чайки. К воротам шла экскурсионная группа. Немолодая красивая женщина несколько раз повторила особенно, видимо, нравившийся ей оборот: «...раскинулась среди амфитеатра золотых куполов». Раскинулась... Каменная Слобода. Гортов шумно вдохнул воздух. И правда, свежо. Хорошо. И так мало людей вокруг. И много статуй – всюду среди кустов пустые гипсовые глаза. Гортов узнал славянофила Хомякова. Подошел к самой ближней статуе с неизвестным попом – это был Илиодор. А вот и Столыпин, присевший на стульчике.

«Работать москвичи хотят в Сити, но жить – в Слободе», – откуда-то Гортов знал этот слоган.

В то время как бурно, у всех на глазах поднималось стеклянно-бетонное чудовище Сити, москвичи упустили, как неприметно, но быстро, совсем недалеко от Кремля образовался старый город.

Всё началось с того, что Архимандрит Иларион взял в свои руки Храм на Куличках на Малой Ордынке и сразу же расширил размеры прихода. Вскоре появилось здание семинарии, учебные корпуса, библиотека, потом, незаметно для посторонних глаз, Слобода квартал за кварталом стала проглатывать Замоскворечье. Было странно теперь наблюдать, как многовековой столичный центр, вернее, солидный его кусок, обратился в огород, кое-где распаханный плиткой.

Тишина была такая, что слышалось, как за стеной живет река: как она мягко бьется телом в каменном прочном вольере. Гортов зашел в церковь. Купил толстых свечек и зажег их – кому за здравие, кому за упокой. В прерывистом матовом свете свечей лики святых двигались, как живые.

Возле лавки общались бабушки. Одна говорила с нажимом, почти в экстатическом исступлении: «Покрошить лучку. Перчик. Грибочки. Моркови покрошить. Сельдерей покрошить. Баклажанчиков покрошить. Помидорчиков покрошить. А потом тушить, тушить, тушить...». Гортов заслушался ею.

***

Он прошел мимо длинных, как прозрачные поезда, рядов теплиц – начались частые невысокие домики с ухоженными участками. Как удобно: вскопал репу, переоделся во фрак – и раз, уже у Кремля, быстро доехал на бричке.

Гортов смотрел в зарешеченные окна – никто не глядел из них.

Навстречу прошла девушка с золотой тяжелой косой, обернутой вокруг шеи, и в ромашковом смятом платье. Гортов улыбнулся ей, а та взглянула в ответ с каким-то невиданным отвлечением.

С Гортовым такое бывало и раньше. Почему – он не знал. Он был вроде приятный и вежливый человек. А внешность... Кому-то Гортов казался и симпатичным, но пик женской любви он пережил еще в раннем детстве. Когда он был пухлый и белый, как хлеб, и источал нежные запахи, они склонялись над ним, сладострастно дышали в темя, шепча: «У-тю-тю!»; «Курлык-мурлык»; «Зайчик мой, забубенчик мой»; «Ах, какой...». Он бежал от них под стол прятаться. Но подростковый период прошелся тяжелыми стопами: у обычных людей – ну что, пара лишних прыщей; а Гортова капитально перекрутило – как-то он странно вырос, заострился в разные стороны, лицо стало как будто в выбоинах. Потом Гортов и вовсе покрылся сразу и весь жесткой игольчатой ржавчиной и стал похож на найденную под стаявшим снегом елку. И тогда женщины разлюбили его, как будто договорившись, разом.

Гортов уже успел позабыть о женском заговоре, и теперь в нем опять шевельнулось грустное чувство, и он вздохнул.

***

Мимо стекали зеленые ручейки, соединяясь в пруду в низине. Били фонтаны, кружились низко над головой птицы – кажется, что скворцы. Большие, откормленные, они не летали, но медленно падали, словно пернатые камушки. В грязном пруду плыла утка.

А меж тем Гортов все не находил еды, зато нашел магазин «Книги». Внутри среди голых кирпичных стен было душно и темно, как в большой остывающей печи. Среди полок бросалась в глаза кровавая надпись «Сион», обведенные в круг кресты и свастики. Гортов взял наугад несколько книг о черносотенном движении.

– Душенова нового завезли, «Не мир, но меч», – сказала Гортову продавщица с теплыми ангельскими глазами. – Хватают как пирожки!

– Что ж, хорошо, – заметил Гортов. Ему хотелось спросить, а где можно купить именно пирожков, но он не решился, а за спиной раздался голос.

– Ох, славно! А мне, Маша, экземплярчик оставили?

– Ну конечно, Вадим Валерьевич!

Гортов увидел сухощавого человека, еще моложавого, но целиком седого, в полицейской форме.

– Еще вот Кожинова привезли, собрание сочинений.

– Нет, Кожинова не люблю. Занудствует много. Надо правду-матку рубить. Нечего тут эти сопля... – полицейский задумался, словно не зная, что делать с соплями.

– А что же, Вадим Валерьевич, ходили на выборы?

– Смеешься, дочка? – и его глаза по-доброму усмехнулись. – Я на выборы один раз ходил, за Баркашова, в 94-м. А сейчас выборы – это что? Цирковой спектакль! Скоро вот дедом стану, родится внучок. Одна радость...

Гортов вышел и быстро направился в сторону дома. Вдруг скрутило живот, так резко и сильно, что взгляд заволокло. Он зашел на тропинку. Огляделся – вроде бы никого. Встал за вязом и принялся за ремень. Вдруг рядом хрустнула ветка. Из-за ствола показался мужчина в зеленой сетчатой кепке. Оглядевшись, он схватил Гортова за штаны и прошипел:

– Вы чего здесь? Идите!

И снова скрылся за вязом.

Гортов вернулся домой, догрыз оставшееся из принесенного утром Софьей. Странно, но что уж теперь, – завтра отыщется магазин. Помирая со скуки, но не в силах хоть как-то устроить досуг, Гортов слонялся по келье, потом взял с полки те же вчерашние листы и лег на кушетку. Он прочитал:

«Сосуд для освещения хлебов медный, чеканной работы, с тремя литыми подсвечниками побелен, весом 3 фунта.

Укропник медный.

Чайник для теплоты красной меди внутри луженый, весит 1 фунта.

Церковная печать медная с деревянной ручкой.

Венцов брачных три пары желтой меди, чеканной работы, на них изображены: Спаситель, Божья мать, апостол Иоанн Богослов, св. равноапостольный царь Константин, св. царица Елена распятие Христово. Все эти изображения на финифти...»

***

Спалось жарко, мокро и тяжело, сон наваливался, как сом, и скатывался, оставляя колею влаги. От нервных переживаний крест сначала пылал и скакал на груди, как уголек, а потом остыл и надавил мертвой бетонной плиткой.

Предстояла встреча с Отцом Иларионом, а Гортов идти не хотел. И не хотел как-то остро, капризно, совсем по-детски. Позвонил Шеремет. Они ожидали.

Гортов понял, что трагически отупел. Как надо креститься?левой или правой рукой? Одним или двумя пальцами? Или тремя? Перекрестился одним – вышла какая-то глупость. А что же с благословением? Целовать руку батюшке – это одно, но если батюшка – работодатель? Уместно ли целовать работодателю руку?

В таких невеселых метаниях кое-как собрался, доехал, не глядя по сторонам, но вглядываясь в свою тревогу.

На железных воротах сидели резные орлы с раскрытыми пастями. Толпилась медлительная пожилая охрана. На проходной была матушка за столом, глядящая в большой монитор Apple.

«Ждут, ждут, скорей проходите!», – с нетерпением из полутьмы позвали.

Гортов свернул в длинный, слепой кишкой коридор, кое-как подсвеченный. Толком не было видно, куда идешь. Но вот дверь. Только взялся за ручку осторожной рукой, а дверь уже распахнулась, и бросился батюшка, в простом сером платье – борода по лицу мягкими пенными клочьями. «Ага, попался!», – сказал он с улыбкой и сразу вбежал обратно, не дав Гортову шанса для поцелуя.

Шеремет сидел за овальным столом. Перед ним стояла полупустая тарелка с печеньями, и крошки были посыпаны по нему. С мягким женским лицом на изготовке стоял послушник с чайником.

«Чаю?» – спросил он.

– Или покрепче? – подмигнув щекой, уточнил батюшка. У него было розовое, простое, чуть облезлающее лицо – лицо человека живого, веселого.

– Спасибо, нет! – сказал Гортов громко. Иларион стоял совсем рядом, но казалось, что до него нужно кричать – как будто их разделяло препятствие. И Гортов кричал – но звука особого не было, как в аквариуме.

Отрывисто кашлянул еще один человек, стоявший у шторы – высокий и крепкий, с грубым округлым лицом – словно невымытый шампиньон, взглянувший из мутного варева. Его широкий и белый глянцевый лоб был весь в мелких шрамиках. Держался он неприступно, и при виде Гортова еще больше окаменел лицом.

– Долгожданная встреча! – сказал восторженный батюшка, перемигнувшись меж тем с Шереметом. – Александр Михайлович так вас нахваливал... Уже не терпелось живую взглянуть... А вы к нам прямо из леса?..

– Из леса вестимо, – откликнулся Шеремет, при этом тихо и счастливо прыснул.

– Как прекрасно... – батюшка придирчиво оглядел Гортова, – практически юноша, молодой и красивый, и при этом затворник. Должен сказать, юности необыкновенно идет аскеза. Не-о-бы-кно-вен-но идет!

– Андрюша – великий профессионал, – сказал Шеремет, со значением отхлебнув чаю.

– ...Молодой, да еще и профессионал, патриотических взглядов – это такой дефицит, – Иларион снова взглянул, на этот раз одним недоверчивым глазом. Послушник подлил ему чаю. – Ведь уже выросло поколение людей, вскормленных грудью Запада. Пропащее, росшее как попало... ваше поколение, Андрей, и те, что помладше вас. Патриоты Америки, как я их называю... – батюшка говорил, не теряя лихой улыбки. – По земле, пропитанной кровью наших отцов до самого ада, – батюшка потянулся рукою вниз. – Ходят какие-то млекопитающие, Иваны, не знающие, родства, жуют свои эти гамбургеры...

– Верно! – сказал Шеремет.

– Иван, вынь гамбургер изо рта! – воскликнул Иларион, на мгновение став серьезным.

Гортов поерзал в кресле, чувствуя, что сиденье ему как будто сопротивляется.

– Но вот когда я вижу таких молодых людей, сердце радуется, – Иларион, Шеремет и послушник – все, кроме сурового человека у шторы, чему-то мечтательно улыбнулись. Иларион, наконец, присел.

– Хочу вам сказать, что это не просто работа, не просто газета, не просто партия... Это товарищество, это собор. Вы уже успели почувствовать, какая ангельская жизнь в Слободе? Как хорошо и спокойно!

– И воздух! – резко вскричал Шеремет. Послушник подлил и ему чаю.

– М-да... – мямля, Гортов выплюнул изо рта какую-то жеваную бумагу.

– Прошу вас, афонский мед, – Иларион пододвинул в центр стола розетку с рыже-оранжевой жижей. Медовая нитка блеснула и сразу исчезла в его бороде. – И ты, Шеремет, угощайся!

Шеремет мед не хотел, он и так благолепно сиял, сочась медом, с его лица батюшка мог бы черпать мед.

Возле окна был постамент с уменьшенной копией Слободы. Она была выкрашена в серый блестящий лак, но кресты и купола были золотистые. Всюду возвышались луковки храмов, с одного на другой край Слободы был переброшен обширный мост над озером. На необъятном еще жизнью краю Слободы, который пока был в поросшей травой руинах, должны были стоять цирк и аттракционы.

– Это макет будущего. Так Слобода будет выглядеть через пять лет, – Иларион снова поднялся на ноги. – Вы видели наши проспекты? Нет?.. Немедленно принести!

Послушник скрылся в двери.

– Не видел проспектов... – вздохнув, покачал головой батюшка.

Гортов стал послушно листать хрустящий буклет с изображенными на листах людьми в чистых рубахах и празднично разукрашенными домами, сделанными под ампир.

– Наши разработчики сейчас специальную программу делают – это бомба! Идешь по улице с телефоном, – Иларион достал айфон. – Подносишь к любому дому и выбираешь год. Например, 1650-й, – Иларион даже потыкал для вида по пустому экрану. – И появляется голограмма. Дом, точно в том виде, в котором он был, и люди, совсем как настоящие! И они будут разговаривать как живые! Можете в это поверить!?

– Нет... Да... – засуетился Гортов.

– Каково, а? – Батюшка хлопнул буклетом.

– Чудесно! Ах, как чудесно! – восклицал Шеремет, обольстительно улыбаясь.

– Представляете, совершенно живой Михаил, например, Федорович...

– Федорович, – повторял Шеремет, замороженный.

– ...Романов перед вами стоит. И можно ему задать любой вопрос! Абсолютно любой!..

– ...Но только если не острый, – подмигнув Гортову, договорил развеселый батюшка.

***

Знакомство на том не закончилось, и компания спустилась в подвал по пыльной мраморной лестнице. Всюду был альковный мрак и жар печи. Парили в полутьме расписные стены. Иларион по пути послал Гортову несколько ласковых ободряющих взглядов, и Гортов с трудом улыбнулся ему в ответ.

Старик с прерывистой сединой по всей голове, одетый в белогвардейский мундир и шаровары, встречал их народной песней, которой Гортов не знал. Шеремет подпел белогвардейцу в ответ, широко разведя руки, и Гортов снова запаниковал: крестик запрыгал под нижней майкой как уголек, и вена на лбу опухла и застучала в темя.

Потянулся бревенчатый зал. Всюду были опять картины, иконы. Русь, много Руси. Русь, святая и непобедимая. На потолке купола. Официантки в кокошниках. В сизом тумане плавали части тел – вот глаз, а вот и целая голова. Бороды, бороды, густые и жидкие, длинные и короткие; золотые, ржавые, медные; книзу сужающиеся, как будто меч; книзу пушащиеся, как перевернутые одуванчики. Гортов заметил, как сквозь туман обрывок руки потянулся к водке.

С приближением к столу туман поредел. За столом шумели, и с приходом гостей не убавили шума. Гортова посадили с краю. Иларион занял место напротив него. Сопровождавший их угрюмый неназванный человек ушел далеко от них, встав с другого края возле бритых юношей в черных рубашках. Они бросались друг в друга тяжелыми, будто гири, односложными фразами, не обращая внимания на других гостей. Во главе них сидел человек со смутно знакомым лицом – длинные женские локоны, поседевшая тень щетины, кофта, распахнутая на волосатой груди; ямайские бусы и большой золотой крест, сливающийся с загорелым телом.

Гортов огляделся и увидел рядом с собой человека с пышной прической и наэлектризованными густыми усами.

– Николай Васильевич Гоголь! – представился он.

– Здравствуйте, – Гортов пожал его нежную руку.

Иларион и Гоголь пристально и лукаво глядели на Гортова, ожидая какой-то еще реакции. Но Гортов молча налил себе из хрустального графина в хрустальный штоф водки.

– Гоголь... – со смутной надеждой в голосе повторил батюшка.

– Я могу и паспорт показать, – сказал Гоголь и тут же привычным движением достал документ из нагрудного кармана и положил на стол. Гортов к нему не притронулся.

Сбоку неслась незнакомая речь. Пыхтящий кряжистый человек – из рубашки валилось красное пузо – отдуваясь, спрашивал что-то и быстро-быстро писал в блокнотик. Его собеседник в спортивном пиджаке и расписной рубашке без ворота изъяснялся поспешно, ухаби-

сто, двигая сросшейся бровью. Между ними сидел маленький, пухлый мужчина, с мягким же в соломе волос лицом и душистыми детскими щечками. Выражение его лица было самым добрым.

– Это историк из Дании, Николас. Из-за жизненных обстоятельств он переехал в Москву, работает здесь переводчиком. А это – Мариус Балач. Лидер Румынской национальной партии. И наш журналист, Володя.

Володя улыбнулся всем ужасным своим лицом. Иностранцы подали сухие руки.

Все дружно расселись. Официант обнял Гортова животом и мягко спросил, чего б Гортов отведал. Гортов снова отведал бы водки.

Переводчик сидел около Гортова, тоже мягкий и сладко пахнувший. Они выпили и разговорились. Николас общался по-русски чересчур хорошо – весь в своих переживаниях, Гортов общался гораздо хуже. Николас рассказал, что в Россию он переехал недавно: из-за судебных преследований пришлось бежать из Стокгольма.

– Вы политэмигрант? – спросил Гортов.

– Увы, – отозвался Николас. – Никогда бы не подумал, что, гражданин европейской страны, я окажусь в таком положении.

Выяснилось, что Николас написал ряд монографий, посвященных истории Холокоста.

– Эти скучные дураки говорят мне... – Николас. – Отрицая холокост, ты разжигаешь ненависть к евреям. Боже мой, но, признавая его, я разжигаю ненависть к немцам!

Гортов молча глядел в туман, отодвинувшись, насколько это было удобно, от стола, чтобы ему не дышали в лицо горячим спиртом. Послушник принес два новых графина с водкой. Румынский политик Мариус что-то гортанно провыл.

– У вас есть какое-нибудь мясо? – перевел для послушника Николас.

– Конечно...

Николас наклонился к Мариусу и между ними состоялся короткий разговор, в конце которого Мариус бурно расхохотался.

– У вас есть стейк из мяса еврея? – перевел послушнику Николас.

И тут засмеялись все, и даже Гортов вежливо улыбнулся.

– Так вот же, сидит! Кожу содрать да прожарить! – поднялся смутно знакомый Гортову человек с крестом и шевелюрой, указав на Гортова вилкой.

Взгляд Гортова помутился, и в голове пронеслось слово «обморок». Не донеся до рта, он поставил на стол рюмку.

– Понял, кто это? – невидимый Гортовым, над ухом шепнул Шеремет. – Это певец Северцев!

Ах, ну точно. Гортов вспомнил Арсения Северцева. Он был шансонье и пел про казачество, про дубы и про женщин с косою и радостными большими глазами. Гортов видел его когда-то по телевизору, смотря программу «Пока все дома». Певец Северцев принимал гостей в деревянной избе, и всюду носились его одинаковые, словно рожденные ксероксом дети.

– Ну ты чего, Арсений! Гортов – русский хороший парень, – сказал Иларион, ласково обнимая при этом Мариуса.

Тем временем Северцев направился к ним, и следом двинулась его мужская свита.

– Арсений, – он протянул руку с сияющим черным перстнем. Двое из свиты то ли в шутку, то ли всерьез упали ниц и принялись натирать ему туфли. Гортов торопливо, не почувствовав в своей руке веса, пожал руку Северцева.

– Я шучу так... Не обращай... Сработаемся, братишка, – сказал он, по пути трижды сменив интонацию от царственной до задушевной.

– Сработаемся, – подтвердил Гортов, смотря ему на кадык, и не понимая, как и зачем ему надо срабатываться с эстрадным певцом Северцевым. Николас встал и поднял тост за «Русь». Все принялись чокаяться.

***

Интернет, едва появившись в келье, сбоил. Не найдя, чем занять остаток вечера, Гортов снова читал листы:

«Купель для крещения младенцев из белой жести; весом 20 фунтов.

Сосуд для освещения хлебов медный, чеканной работы, с тремя литыми подсвечниками, побелен, весом 3 фунта.

Чайник для теплоты красной меди внутри луженый, весит 1 фунта.

Церковная печать медная с деревянной ручкой...».

Листы разлетелись, когда Гортов уснул. Всю ночь одинокая муха кусала его в щеки и губы.

***

Раздался хруст. Посыпались, словно град, деревянные половицы, и кто-то вскричал: «Ой-ой-ой!». Через паузу – снова хруст, снова вопли и причитания. Какая-то драма разыгрывалась за стенкой. Гортов встал.

– Ой, не могу! – он узнал голос Софьи.

– Дура, овца, идиотка! – старушечий злобный голос. – Ну давай! Ну давай!

– Ой, батеньки! Ой, не могу!

– Овца! Олениха!

– Ой! Ой!

Гортов застегнул штаны и вышел в коридор. С мягким шелестом от стены отклеивались и свисали простынями обои. Он позвонил в дверь, но не услышал звонка. Вдалеке кто-то зашевелился, пришлепал, надолго замер у двери. Замок звонко щелкнул, словно раздал щелбан. Открыла Софья. По переносице пробежали испуганные глаза.

– Что-то случилось? – спросил Гортов.

– Кто это!? – всхлипнули из глубины.

– Это... – тут Софья задумалась – наверное, попыталась припомнить имя, но попытка не удалась, и она отделалась безличным простым «соседом».

– Ой, Василий Петрович, вы? – возрадовался и ободрился голос.

– Нет, это Андрей, – угрюмо ответил Гортов.

В келье стоял острый подмышечный запах. Пожилая женщина лежала возле кровати, на голом полу, в ночной рубашке. Рубашка слегка задралась, и были видны бледные студенистые ноги в прожилках.

Бабушка стала многословно и путанно объяснять, что упала, попытавшись перевернуться в кровати. Одновременно с этим она хищно прищуривала то один, то другой глаз, как будто она кокетничала.

– Что же вы на полу, – пробормотал Гортов.

– Какой у вас крепкий бицепс, – восхитилась старушка, сразу вцепившись в него железной сухой рукой. Старушка была почти неподъемной, и, казалось, назло Гортову даже отяжелела себя, расслабив каждую клетку тела. Кое-как вдвоем дотасили ее волоком до кровати, а потом, подтянув тело и забросив ноги, водрузили ее на постель. Рубашка совсем задралась, и было видно многое из того, чего совсем не хотелось видеть. Гортов радовался приглушенному свету и тому, что был без очков и линз.

Сев на кровати, старушка сразу же оживилась.

– Софья, напои же молодого человека чаем! Ох, у нас чудесный индийский чай. Вы извините, что я в таком положении. Вся в бинтах... А я ведь переводчица с французского языка. Ча

ва? Вы читали Ромена Гари?.. Моих рук дело. Ах, высший свет! Знаете, что мне сказал Гари? Ваша книжка вышла лучше оригинала.

– Ничего страшного, ничего страшного... – раз двадцать повторил Гортов, и даже на фразу, якобы сказанную старушке Роменом Гари, он отозвался: «Ничего страшного», а потом Софья проводила его на кухню. Всюду были пустые бессмысленные коробочки, которыми обычно всегда полны дома стариков. Когда бабушка Гортова умерла, он выносил такие коробочки двое суток.

– А что это у вас, конфеты? – уточнил Гортов, взяв в руку коробку конфет.

– Да. Хотите? – печально спросила Софья.

В комнате прозвучал колокольчик.

– Со-не-чка, – приторно сладко пропела старушка.

Гортов пытался заставить себя прислушаться к разговору, но не сумел. Он быстро, морщась от кипятка, выпил чай и вернулся в келью.

***

Был первый рабочий день. По дороге к Славянскому дому Гортов встретил двух лошадей, подъедавших облезлую травку. Гортов по-детски обрадовался им. Одна лошадь вполголоса фыркнула, с той рассеянной интонацией, с которой общаются сами с собой странные пешеходы. Гортов фыркнул в ответ. В руках он мял прихваченную неясно зачем пустую папку.

Славянский дом стоял за чугунными распахнутыми воротами, которые жутко скрипели уже от намерения прикоснуться к ним. Это был особняк с немытой лепниной. Все окна были завешаны смертельно тяжелыми шторами, и только на чердаке круглое, мокрое, как плачущий глаз, окно было голым.

Гортов прошел мимо спящей охраны. Здание молчало, и из чуть приоткрытой форточки с гуденьем врывалась улица. Взобравшись на третий этаж, Гортов нашел нужную дверь с отломленной и повисшей на ниточке ручкой. Из дыры в двери падал свет, но Гортов справился с нездоровым желаньем в нее поглядеться.

За столом, сразу у входа, сидел страдающий человек. В руке он держал почти пустую бутылку «Боржом» и смотрел в монитор с болью. Он перевел взгляд на Гортова, и страдания углубились; возле лба пролегла новая тоненькая морщинка.

– Опять ты, – сказал он Гортову, и его глаза потемнели от раздражения. – Я же сказал: не пойду. Ебал я ваш круглый стол! «Россия, блядь, в будущем». Да нету у России будущего ни хуя с такими, как вы, мудаками!

– Не понял, – сказал Гортов.

Он чуть растерянно улыбнулся и снова ощупал Гортова взглядом. Они помолчали.

– Извините, я пришел на работу, меня зовут Гортов Андрей Григорьевич.

Глаза его, потухшие было, снова зажглись.

– Ебаная азиатчина! И ты туда же, – страдающий человек вдруг встал из-за стола, оказавшись необычайно широким и низким, почти квадратным мужчиной в костюме.

– Запомни, сначала имя! Имя! Андрей Гортов, понимаешь? Сначала – Андрей.

– А какая разница?

– Да никакой! Вообще, блядь, никакой разницы для таких идиотов! Бедная, бедная выебанная вами Россия... Представляйтесь Гортовыми Андреями, режьте баранов и ссыте сидя! Скифы, блядь! Печенег, блядь! – и он опять сел, подавленный.

В кабинете еще стояли столы, за которыми бесшумно трудились люди. Безмятежный, лился шелест клавиатур.

Постояв и так ничего не дождавшись, Гортов сел за пустующий стол. Шелест, прерванный было, возобновился. Страдающий человек, сразу забывший про Гортова, стал шелестеть тоже.

Сидя, Гортов потихоньку впадал в уныние. Что за тупая ситуация! Обхамили в первую секунду рабочего дня, и что делать, вообще неясно. Страдающий человек ничего не говорил, но был источником безостановочных звуков: шумно молчал, скрипел, вздыхал, ковырял где-то внутри лица пальцем.

Но вот он закончил читать что-то, доставлявшее ему изощренную муку, и снова взгляделся в Гортова. Черты его лица немного разгладились, он, полуулыбаясь, подошел к Гортову косолапой пингвиньей походкой.

– Так значит это вы Гортов, – сказал он с таким самодовольным лицом, будто тут сидело еще штук двадцать неизвестных людей, и он среди них безошибочно опознал новобранца Гортова. – Я вспомнил вас, мы виделись мельком позавчера. А я – Николай Порошин. Или попросту Коля. Вот этот задохлик, в очках, Спицин.

Как солдат, послушно поднялся и выпрямился щуплый парень с болезненной кое-как налипшей на кости кожей.

Второй, прятаясь за монитором человек, был аттестован «золотым пером патриотической журналистики Бортковым» – из-за экрана, как из окопа, показался край взъерошенного лица, а потом и весь журналист – сухощавый, но со смуглой большой головой, будто приделанной от другого тела. Патриотический журналист был юн, но взгляд имел мудрый, печальный.

– Вот мы втроем и делаем «Державную Русь», главным образом, – Порошин ловко присел в театральном поклоне. – Рабочих рук критически не хватает. Объемы работы растут. Так что рад, что... так сказать...

Мысль его поскользнулась, и Порошин, перебив сам себя, добавил:

– Работа, в общем, простая, но требует быстроты реакции и креативности... Вы, Гортов – креативный человек?

Порошин иронически шевельнул бровями. Гортов выдавил из себя неопределенный звук.

– Подробно вам разжевывать, думаю, смысла нет, сами все понимаете, а нет – так скоро поймете. Может быть, собираетесь пообедать? На втором этаже есть кошернейшая столовая, там недорого, но и невкусно, а с торца – продуктовый магазин – я там беру чабатту с сыром. Прекрасно идет под коньяк, – Порошин снова мигнул бровями.

– Ну я ведь только... – Гортов несмело подался вперед, как травоядный зверь за горстью еды, лежавшей в руках у неизвестного человека.

Порошин отодвинулся от него.

– Ах да, надо вам, наверное, всучить какой-нибудь важной работы.

Его лицо снова приняло мученическое выражение. Порошин вернулся к компьютеру, стал щелкать мышкой, часто моргая и морщась от отвращения. «Вот. Смотрите. Газета „Севастопольский сокол“ хочет взять у Северцева интервью. К завтрашнему утру нужно его написать. Успеете? В меру героическое и лаконичное, но не без сентиментальности. Держите вопросы».

Порошин протянул посыпанный пеплом листок.

– Северцев? Но он здесь при чем? Он певец же.

– Так вам не объяснили? – застыл в изумлении Порошин и даже остановил листок перед рукой Гортова, но, подумав, все же всучил его и сообщил разъясняющей скороговоркой. – Северцева намечают в федеральную тройку на ближайшие выборы. Мы теперь все работаем на него... Короче говоря, втянетесь, втянетесь. Считайте, что это ваше боевое крещение.

С этими словами Порошин подхватил со стула пальто и обернулся к коллегам.

– Маршем на чабатту! – провозгласил он, уводя за собой редакцию. Гортов остался в пустом кабинете один. Уходя, сотрудники погасили лампу.

***

Гортов наладил в келье беспроводной интернет. В хозчасти он без проволочек получил рабочий ноутбук и стал изучать Северцева.

До недавнего времени Северцев пел себе о Руси неторопливые песни без лишних страстей и скорби, но вот внезапно вышел на сцену на президентской инаугурации. Журналисты кинулись на него – а он многословно и повсеместно оправдывался. Но потом и сам перешел в атаку. Стал высказываться по «актуальной повестке» и по общечеловеческим жизненным поводам. Охотно и часто ругал Штаты. Говорил о «русском кресте», о том, что «суетиться не надо», сдержанно и с любовью осуждал пороки родного народа. Высказывал неконкретные соображения о заговорах и мировой закулисе. Вообще, его речи были очень пространны – не имели ни логического начала, ни логического конца, но текли мутным речным потоком.

Гортов стал изучать биографию Северцева. Он слышал в общих чертах про бандитское прошлое, но не знал, что в юности Северцев посидел на Зоне. «Заступился за девушку», – информировал официальный сайт. «Вымогал у соседа квартиру», – информировал другой сайт, враждебный. На официальном сайте Гортов прочел, что Северцев в прошлом – честный русский офицер, в юности – радикальный антисоветчик, но «повзрослев, стал относиться к развалу СССР как к своей личной трагедии», и до сих пор у него по этому поводу в сердце саднящая рана. На другом, неофициальном, Гортов прочел, что Северцев – бывший друг и соратник бандитов из Люберец, в криминальных кругах известный под кличкой Север.

Гортов принялся штудировать одно за другим предыдущие интервью, стал слушать в аудиофайлах речи, чтобы уловить его ритм и интонацию.

Начало давалось с трудом. Вот он читал вопрос, и в голове то и дело вспыхивали обороты Северцева. «Наша родная земля!» – вдруг гаркнул певец, и Гортов от ужаса вздрогнул.

«Я родился на Брянщине»... «Всплывем из пучины безвременья»... «Ампутация русскости»... «Мы не позволим этого сделать»... «Помню нежные руки матери»... «Сколько желаний взорвать, унижить, вернуть Россию во тьму!»... – увещевал, ласкал, грозился в его мозгу Северцев прерывистой стоголосицей.

«Империя – как мертвый лев, – начал невпопад к вопросам набивать слова Гортов, – в котором копошатся уже двадцать лет, и рвут на части навозные насекомые».

«Навозные? – оборвал себя Гортов. – Ну тогда получается, что империя... Нет, не годится, да и пример избитый...»

Так, что там у нас... «Либералы... либералы... как вы относитесь к отдельным...»... мозг, едва напрягшись, стал опухать, тяжелеть, болеть.

Гортов встал, походил. Келья стремительно сузилась, стало невыносимо тяжело среди давящих стен, и он выбежал в коридор и сразу столкнулся с Софьей. Верней, почти что столкнулся, – столкновение это было бы неприятным – она несла в руках больничную утку, употребленную. Софья была в парадном платье.

Гортов застыл с приветственной миной – рот приоткрылся, набряк словами, но Софья, пунцовая, слов не дождалась и торопливо скрылась за дверь. Гортов умыл лицо и вернулся в комнату.

«Либерализм – как позабытая утка в больничной палате. Пахнет и выглядит соответствующе. Может, пора уж прибраться!? В грязи лечение бесполезно».

Гортов с вдохновением застучал по клавишам. В голове, наконец, зазвучал стройный и бодрый голос Северцева, речь полилась потоком. Говоря, Северцев так и стоял перед Гортовым, как в том подвале: поставив ногу на стул и вещал, пока суровая молодежь, упав ниц, чистила ему обувь.

Гортов закончил печатать к утру. Перечитал, но слова липли к глазам, расплывались, смысла не уловить. Упал на землистую простынь.

Отключился на пару часов, вскочил.

Уже опаздывал на работу.

***

– Ну что ж, могло быть и лучше, – Порошин, коротко посмотрев на листы, скомкал их и отшвырнул в урну.

Гортов замер, почувствовав внезапный укол в сердце. Затуманилось в голове. Как же, но как же...

– Как же, а мне казалось... – пролепетал он, бросив фразу на середине. Ему казалось, что он написал гениально. Будто ему нашептал интервью для вшивой газетки голос с небес, пусть и похожий на голос Северцева.

– А, в общем, конечно, неплохо, – смягчился Порошин, увидев намокший взгляд. – Только он родился на Рязанщине, а не на Брянщине. Вы это больше не путайте.

***

Ямщик домчал до невзрачных домов, из которых слышались звуки пьяного праздника. Порошин весь день лукаво подмигивал Гортову, и глаза его были полны предвкушениями еще не известных Гортову удовольствий. Бортков и Спицин тоже подмигивали ему.

Когда ступили на землю, дохнуло свежими травами. Где-то вдаль пробурчал гром. На черно-лиловом небе вспыхнули огоньки фейерверка – вспыхнули в Москве, а казалось, в потустороннем мире. Затем еще один, и еще. В городе отмечали что-то.

«Пошли, пошли», – Порошин нетерпеливо толкал «Русь» в здание.

Внутри играл рок-н-ролл. Официантки носили коктейли под флуоресцентным искрящимся потолком, и юбки их развевались. За барными стойками сидели как будто другие люди, не из Слободы – безбородые и в светлых брюках.

– Вдыхайте воздух свободы, – кричал и плевал ему в ухо Порошин.

– Воздух Слободы, – машинально откликнулся Гортов, усаживаясь на стул.

В тонких рамках висели на стенах портреты западных идолов – бейсболистов, артистов и режиссеров. Бесконечные артефакты вокруг – флаги, Пизанские и Эйфелевы карманные башенки, миниатюрный Биг Бен, Сид Вишез, лижущий щеку пухлой блондинки Нэнси – черно-белая редкая фотография. Все пили виски и джин. Вокруг был сильно сгущенный Запад. «До такой степени Запад, что уже Восток», – подумалось Гортову.

Порошин всех угощал. Все пили немного, готовясь к чему-то. Порошин, не щадя живота своего, пил за всех.

За соседним столом хохотали и подпевали музыкальному аппарату, видимо, иностранцы – «It's a-a-a-a-all right, I'm Jumpin' Jack Flash, it's a gas, gas, gas!».

– Гесс! Гесс! Рудольф Гесс! – неуклюже подпел и Порошин. Иностранцы смеялись. Порошин зачем-то смертельно обиделся и убрал с лица злую гримасу только тогда, когда иностранцы скрылись.

Гортов чувствовал себя хотя и в твердой памяти, но в непослушном теле. Трогал себя за лицо, лица не чувствуя.

– Я уже пьяный совсем, пойду, – сказал Гортов. Они начали пить еще в редакции.

– Стоять! Все интересное впереди, – хмурясь, подался вперед Порошин.

Коллеги сидели, услужливо смолкнув. Откуда-то снизу струился оранжевый свет. На столе стоял ром. Крупные куски льда, как буйки, качались в темной холодной жидкости.

– Я видел твое лицо тогда, у Илариона, – Порошин перешел на басовые ноты. – Тебя коржило. – Он икнул. – Это хорошо.

Порошин еще придвинулся.

– Что до меня, я и подавно, искренне, всеми силами души ненавижу все эти свечки, кадила, березки, постное лицо попа, вот всю эту Русь и каждого ссаного патриота. И слово-то какое, богомерзкое просто: «Патриотизм». От него тошнит уже какими-то червяками и вишневыми косточками. Да что уж, у нас на «Руси» его все ненавидят.

– Он шутит, – сказал Спицин.

– За всех не говори, – сказал Бортков.

Порошин повернулся к ним с сияющими глазами.

– Ну хорошо, ты, Бортков, не ненавидишь. Ты недолюбливаешь. Но... – и тут он поднялся и уронил стакан. – Как, я спрашиваю тебя, нормальный человек может это говно любить!?

Порошин звучал на весь зал. Многие обернулись, и ди-джей сделал музыку громче, а Спицин молча потянул его вниз за лацкан.

– Вот наш святой отец Иларион бросил клич, – не садясь, но тише продолжил Порошин. – Ишу, мол, молодых талантливых патриотов. Деньги есть! Все есть! Ну вот искали, искали – прислали тебя. А ты ведь такой же кощунник и русофоб, нам чета.

Порошин, наконец, сел, выразительно постучав по лбу.

– А все потому, что только у либерал-русофобов есть такая прекрасная вещь как мозги. Днем с фонарем не сыскать ни одного хотя бы психически здорового патриота.

Гортов заерзал, откашлялся, чувствуя бесполезность спора. Он хотел что-то сказать в ответ, но мысли трепыхались в мозгу Гортова тяжело, как рыбы вдали от моря.

Порошин тем временем пил и продолжал, нажимая теперь на каждое слово.

– Так просто сложилось. У дураков и фриков появилось влияние. Двадцать лет они сидели во мху, в подземелье. И вот теперь у них Ренессанс. Ну что ж, за деньги – любой каприз, – и тут Порошин накренил животом стол, подвигаясь к Гортову совсем интимно. – Я вообще в конце 90-х работал в партии Животных. Создавал ячейки в регионах. Лозунг был: «Свободу братьям нашим меньшим!» После этого мне уже никто не страшен. И даже «Русь».

Гортов грустил, обводя пустыми глазами стены, Бортков и Спицин тревожно шептались между собой, а Порошин трепал Гортова по плечу, все горячась и размахивая стаканом.

– Не придавай значения, Гортов. Работай, зарабатывай. Либералы тебе хуй заплатят. Я этих мразей знаю. Сам пять лет в «Новой» работал. Ходил в дырявых кроссовках зимой.

– Зато честно! – встрял Бортков с явной иронией.

– Никуя не честно... Одна наебка кругом. И грубое изнасилование. Но здесь, на «Руси», хоть платят. Правда вот, сука, так мучительно!

Спицин что-то неразборчиво промурлыкал, в такт ему, и глазки молчавшего и сидевшего со скучной гримасой весь вечер Борткова вдруг лучезарно воскресли.

– Да, пожалуй, пора! – деловито кивнул Порошин. Кинул на стол ворох купюр. – Шнеле, шнеле! «Русь», поднимайся с колен!

«Русь» встала.

***

Снова тьма и снова подвал. На ходу приходилось придерживать стены. С трудом Гортов правил свое тело, как телегу со сломанным колесом. Что-то неподконтрольно текло из носа. Для скорости Порошин шлепал его ладонью под зад. Порошин стал очень игривым.

Открылась дверь, и начался нежный и тусклый свет, и Гортов увидел женщин – не стало прохода от них, в пестрых полосках трусиков. У многих из поп торчали пышные перья. Перья были и на голове. С лиц падали блестки.

«Русь» села на волосатый диван и толком еще не устроилась, как ее затопило женщинами – Гортов почувствовал сразу несколько рук, слепо блуждавших по телу. Хищные ногти

и зубы впивались во мрак, свет отражался в мебели. От женщин не пахло женщинами. Как будто со всех сторон его сжал мармелад, тугой и несладкий.

– Чего же ты хочешь? – спрашивал у Борткова Порошин.

– Блондинку с большими сиськами, – застенчиво, но все же уверенно отвечал Бортков.

– Принесите ему блондинку с большими сиськами! – кричал Порошин, швыряясь в женскую массу деньгами.

Крупная негритянка уселась к Гортову на колени и потерлась большой резиновой грудью. К горлу его подступила рвота.

– Пожалуйста, можно уйти? – спросил он у негритянки, суя в нее деньги. Негритянка чуть растерялась, привстала, Гортов бросился прочь, но у дверей был достигнут внезапно проворным Порошиным.

– Не смей! – Порошин крепко держал его за воротник. Хоть сам Порошин, казалось, оплывший ком, но пальцы у него оказались железные. При этом лицо его стало совершенно дикое, гопническое, и он холодным тоном сказал: «Уходим все вместе. Такое правило».

Гортов забился в углу, в коридорчике. Слезы встали у глаз. Было пронзительно жаль себя, и Гортов почувствовал среди обилья водки и тел нестерпимую несвободу. Захотелось плакать, так внезапно и остро, что Гортов не смог удержать себя: и вот он уже тихо завыл в углу, растирая слезы. Не плакал, наверное, с детства, а тут – надо же. И в таком странном для слез месте...

***

Порошин вел семь разноцветных и громких дам, Спицин вел одну ломкую юную барышню, Бортков вел бабу полную и пожилую.

Бричка билась о щебень, болтая напитки внутри. Гортов затаился на заднем сиденье, ощущая себя камнем на дне холодной речки. Чьи-то губы и руки ласкали его, незанятые. Бортков увлеченно копался в складках своей женщины, Спицин тискал, ломал в руках хрупкость свою. Порошин приставал к ямщику с разговорами.

– Ну что, сельский дурень, ходил поклоняться Дарам Волхвов?

– Ходил, ваше благородие, – отвечал дед с пушистой пепельной бородой, спрятавшей все лицо до макушки.

– И за каким чертом!? – бесясь, пролаял Порошин ему в самое ухо.

– Поклониться мощами...

– Каким мощам? Ну каким, блядь, мощам? – Порошин рычал беспомощно.

– Святым мощам... – размеренно уточнял ямщик.

– Дары волхвов это что, мощи? Мощи, блядь? – по лицу Порошина пролегла трещина. Казалось, лопнет и брызнет сейчас лицо. – Ты думаешь, когда Сын Божий Иисус родился на свет, к нему вошли Волхвы и подарили ему кости трупов? На, бэби Джисус, вот тебе останки какого-то человека. Хэппи Бёздай!..

– Бэби Джисус, – сказала одна из женщин с какой-то внезапной, материнской почти теплотой, словно ее поманили на миг из другой, светлой жизни.

– Ходите, бьетесь лбом о паперть до крови, перегоняют вас стадом в очереди, и стоите, стоите, стоите – сами не зная, куда. Бараны! Ну бараны же!

Ямщик равнодушно молчал.

Ночь была склизкая, мшистая, гадкая, словно мчались внутри носоглотки.

***

В доме Порошина было просторно и неопрятно. Всюду беззвучно носились кошки. Стояла мебель, заваленная тряпьем, и вся – в клочках и ошметках, разодранная когтями. Вышел из темноты азиат, потирая маленькие глаза маленькими грязными кулачками.

– Васька-младший, живо! Неси вискарь! – распорядился Порошин. Азиат, не отнимая кулачков от лица, пошел куда-то.

– А почему Васька-младший? – спросил Гортов.

– А потому что Васька-старший – вон там, – смеясь, Бортков показал на кота, сибирского и помятого.

Спицин гнусно, по-паучьи увел молодую самку в ванну, остальные тоже забились по комнатам. Не разжимая рта, Гортов поцедил в одиночестве виски, не чувствуя ни опьянения, ни алкоголя в стакане. С тем же успехом он мог бы пить простую горькую воду. Потом он встал и вышел из залы, послонялся среди котов, чувствуя себя позабытым. Подумал, что теперь уже можно спокойно уйти. Оделся и вышел.

Качаясь все в той же бричке, с тем же глухим, безответным, как пень, ямщиком, Гортов чувствовал потребность в ванной, в обильной и теплой воде, чтоб смыть с себя всю налипшую за ночь мерзость. Но, уже поднимаясь в келью, на темных ступенях он ощутил странное, будто отдельное от него возбужденное копошение. Его член впервые за долгое время встал, когда он подбирал ключи к скважине.

***

С утра Гортов был на работе один. В расчет можно было не брать крепко спавшего на столе трудоголика и «золотое перо» Борткова. На стенах висели картины, отливая печальным холодом. Из распахнутых ящиков у двери выглядывало бутафорское военное снаряжение, видимо, для реконструкций – торчали сабли, мечи, топоры, булавы. Отдельно лежали железные шлемы со сбитыми наносниками. От дрящегося безделья Гортов примерил на себя кольчугу, оказавшуюся невесомой. Отдельно от всех в корзине лежал боевой топор с черным лезвием. Гортов потянулся было к нему, но тут в дверь постучали и вошли двое, певец Северцев и знакомый Гортову лобастый неразговорчивый человек. Гортов заметил, что на лацкане пиджака у лобастого лежала убитая моль: вероятно, держалась, присохнув внутренностями.

Северцев, в куртке со шнурами и шелковой красной рубаше, расстегнутой почти на все пуговицы, вошел развинченной звездной походкой, и, взглянув на Гортова, так и оставшегося в кольчуге, спросил: «Как жизнь, братишка?».

Гортов из-за своей кольчуги совсем растерялся и стал лепетать, из-за чего Северцев поскучнел, зевнул, отошел. Приблизился к Борткову.

– Я тут должен давать интервью... .

– Мы уже дали! – вдруг бодро воскликнул Бортков, с распахнутыми живыми глазами.

– Что ж, хорошо, – Северцев от него отпрянул, описал маленький круг в центре комнаты, не понимая, что делать с собою. Человек со лбом встал на изготовке в углу, косясь в сторону.

– А где Порошин? – спросил Северцев, найдя себе место у подоконника.

– Он очень болеет, – Бортков гневно моргнул Гортову, попытавшемуся что-то сказать. – Просил передать, что сегодня работает из дома.

– Наберите его, – сказал лобастый. Гортов впервые услышал его голос: он оказался высоким, словно разбитым вдребезги.

– Ну это не обязательно, а впрочем... . – Северцев не договорил, взял со стола малахитовую пепельницу, стал крутить. За окном о чем-то бурно захохотали.

Гортов набрал.

– На громкую связь, – велел, шевельнувшись, лоб.

– Д-да, кто это? – послышался порошинский голос, тихий и ошалелый.

– Тут зашел Северцев и спрашивает, когда тебя ждать, – сказал Гортов.

– Никогда! Никогда не ждать! – с неожиданной злобой воспрянул Порошин. – А Северцев твой... Знаешь, что: пусть отсасывает! Вот прямо передай ему, чтоб сосал!.. Соси, Сеня! – прокричал он, вероятно, сложив вокруг рта руки трубочкой. – ...Или, хочешь, я ему сам передам?.. – хромая на каждый слог, продолжал Порошин.

– Это ни к чему, – сказал отчетливо слышавший Северцев.

– Ну чего им от меня надо? Мне плохо! Понимаешь? Пло-хо! Печень болит, голова болит, стоит тазик с блевотиной. Еще тут две какие-то бабы... Даже не знаю, что, как, куда... – в комнате у Порошина произошло какое-то движение. После паузы он снова заговорил. – Одну бабу зовут Жюли. Кстати, у Жюли – прическа как у актрисы Шэрон Тейт и перья из жопы. Жюли, поздоровайся с Гортовым.

– Бонжур, – сказал прокуренный женский голос.

– А вот тут еще девочка Элли. Девочка Элли сидит в одних трусиках. У нее ненастоящие сиськи, а на животе – татуировка с каким-то иероглифом. Поздоровайся...

– Ладно, ладно, я понял... – Гортов повесил трубку.

– Не понимаю, зачем жить... – успел меланхолично сказать Порошин и оборвался.

Лобастый все так же стоял у двери, натирая блестящий лоб.

– Пьет, – равнодушно заметил Северцев.

Гортов помял оправдательных, жалких слов во рту, но так и не выплюнул. «Какой же у него лоб», – вместо этого подумал Гортов. Таким ясным и крепким лбом можно расшибать памятники.

– Вы, кстати, знакомы? – спросил Северцев. – Андрей Гортов – прошу любить, а это – Миша Чеклинин.

Гортов послушно встал, чтобы поздороваться, но лобастый, не попрощавшись, вышел.

***

Стол Гортова стоял у окна, и он видел, как по двору ходят юноши в узких черных рубашках, с написанной на лице суровостью. Они кричали друг другу телячьими голосами и шутливо дрались. «Такие переломят хребет, и в сердце у них ничего не шевельнется», – думал Гортов без тени страха или печали – как о ходящих в загоне хищниках.

На подзеркальнике в коридоре лежала стопка газет. Гортов взял одну – тоненькая, она неприятно пахла сыростью и гниющим лесом. Это и была «Державная Русь».

«Атеисты, покажите ваши мысли», – прочел Гортов. На передовице был изображен раскрытый череп, из которого выплывал знак вопроса. Сбоку была пристроена колонка главного редактора (Порошина) – под названием «Кто за билетиком в Содом?». Далее было интервью с игуменом Нектарием о воспитании трудных подростков, отчет о фестивале народной песни, прошедшем на Вятке – «Старый фестиваль в новом качестве». На развороте была помещена фотоподборка «Золотые девы Евразии» – и то были раскосые девушки в русских кокошниках, среди юрт. На лицах у них замерло удивление. На оборотной стороне было размещено стихотворение «Русская правда летит». Гортов прочел его.

«Поднимайтесь, братья, с нами.
Знамя русское шумит,
Над горами, над долами
Правда русская летит.

С нами все, кто верит в Бога,
С нами Русская земля,
Мы пробьем себе дорогу
К стенам древнего Кремля.
Крепче бей, наш русский молот,
И рази, как Божий гром...
Пусть падет во прах расколот
Сатанинский совнарком.
Поднимайтесь, братья, с нами.
Знамя русское шумит,
Над горами, над долами
Правда русская летит...»

***

Похолодало. Ночью стал минус. Батарея была поломана – среди треснувших шпал не журчала вода. Обогреватель, сияя в ночи накаленными красными полосами, грел только себя. Обои теперь не отклеивались – они примерзали к стенам.

Приходилось долго ворочаться и дышать, лежа в свитере, согревая постель, а потом спать под тремя одеялами. Обнимая сырую подушку, Гортов представлял, что обнимает соседку, теплую Софью, с ее русской бревенчатой красотой, с ее мясными руками, среди которых можно было бы сладко сопеть до утра. В фантазии Гортова Софья почему-то лежала в старушечьей ночной рубашке, отвернувшись к нему спиной. Ее медовые волосы лезли в рот, и он сплевывал эти волосы, но все-таки это было приятно.

Он просыпался от холода и прислушивался к ночи – было слышно, как за стеной всем своим ледяным нутром сопела соседка-бабушка.

***

Следующий день был выходным днем. Тучи висели низко, и влага стекала с них как с невыжатой тряпки. Сморгались деревья в лужи, и шумно плескалась грязь. Вай-фай работал.

Гортов проверил почту. Видимо, его адрес попала в список служебных почт, и вот уже кто-то слал ему приглашение на православную дискотеку и на круглый стол «Педерастия и шпионаж в России».

Писала и мама. Мама прислала картинку с лучезарно улыбчивыми детишками, роющимися в песке, и подписью: «Будь счастлив в этот миг! Этот миг и есть твоя жизнь».

Еще было письмо от сестры. Сестра училась в хай-скул в Америке. Летом она объехала половину штатов. «Что тебе больше всего запомнилось?», – спросил Гортов в предыдущем письме. Сестра ответила, что больше всего ей запомнилось, как в одном супермаркете огромная негритянка – груды шевелящейся плоти – пукнула так, что задрожали все стекла. «Впечатляет», – написал ей теперь Гортов.

Были и другие письма, из старой жизни, и Гортов открыл одно из них, и стал читать, но почувствовал, что опять начинает болеть голова, и кожа чешется от аллергии.

Гортов лег на тахту. Попытался читать книгу, но накатывал сон, пытался спать – снов не было. Зато Гортов заметил, что если положить под голову две подушки, то лежа можно увидеть в окне крест на куполе.

С церквями у Гортова раньше не ладилось – всего два раза в жизни он посещал их. В первый раз, когда Гортову было семь или восемь лет, его привели родители. Он запомнил, что

было много солнца на улице, и что была мрачная тяжесть и духота внутри. Кажется, что был праздник, и храм был набит людьми так, что было не разглядеть ни икон, ни стен, и всюду стояли очереди. Мать протолкнула его вперед, и вдруг он увидел святого с нимбом. Что теперь делать, Гортов не понимал. Он видел, что люди вокруг шевелят губами, а затем целуют икону, склоняясь к ней. Гортов боялся ее целовать, потому что бабушка воспитывала в нем строгую гигиену – было запрещено голыми пальцами касаться ручки двери и кнопки в лифте, а тут – губами. Он был смущен и не заметил, как старуха в косынке, сухая, растрепанная, как новогодняя елка в апреле, схватила его за ухо и зашипела в него: «Целуй, целуй!». Он рванулся, пытаясь сбежать, но она стала толкать его, как нашкодившего котенка: целуй, целуй, целуй!

Второй раз – когда отпевали бабушку, а Гортов приехал на похороны в разорванных на коленях джинсах, и с серьгами-гвоздиками, и с всклокоченными волосами – тогда он был панк, и люди смотрели на Гортова удивленно, и он сразу покинул храм. На том все закончилось.

Но Гортов знал, что его фамилия имеет церковное происхождение, что на его прадеде прервалась церковная династия, и что самого прадеда дважды отбивали местные с топорами и вилами, но на третий раз все-таки увезли большевики.

Гортов чувствовал, что эта духовность есть немного и в нем, хотя, как все, любил смеяться над этим словом, но, когда видел церковные купола, то не мог отвести сразу взгляда, и было ни с чем не сравнимо то чувство, когда он слышал звон колоколов. Всю жизнь Гортов не думал об этом, бежал от этого, но теперь он все яснее осознавал – все то, что происходит с ним, неслучайно. Это судьба взяла его за запястье и привела сюда. «Может быть, попоститься? Идет ли сейчас какой-то пост?», – размышлял вслух Гортов, когда постучались в стену.

Соседка старушка сладко пропела: «Андрей! Андре-ей!»

***

– Мне очень неловко об этом просить, – сказала она, и ее глаза заблестели. – Но вы не можете?.. Я уже месяц на мыла голову. Она так чешется...

Она почесалась.

Софья без особенного стыда помогла старушке стащить через голову ночную рубаху. Задрались и отвалились в разные стороны груди. Лиловые, они были похожи на две лишних руки. Вокруг образовалось много творожного, белоснежного, от которого некуда стало деться взгляду. Софья принесла принадлежности – мыло, мочалку и все другое, что полагается. Гортов держал шею и голову. Вдруг он обнаружил, что одна грудь свалилась ему на руку. Ему было стыдно стряхнуть эту грудь, и он так и стоял, с ней на ладони. Грудь была шершавая, теплая и будто живая...

– Не смущайтесь, это ведь так естественно, – проворковала старушка.

– Ничего, ничего, – говорила Софья, а Гортову опять захотелось плакать.

Работа шла очень медленно. Софья двигалась осторожно. Шампунь чавкал в твердых завившихся волосах. Руки ее застревали.

Старушка ни на секунду не замолкала: она рассказывала свою бурную вымышленную биографию и перебивала сама себя советами Софье. «Дурочка криворукая. Вот у Андрюши какие ловкие руки. Лучше б Андрюша голову мыл... Хотя она и держать нормально не сможет», – будто жалея его, прибавляла старушка.

Софья необычайно сильно потела – темные круги образовались на спине и вокруг подмышек. Зелеными ручейками стекала по ней старушечья грязь. Кричала из старых часов кукушка.

***

Когда все закончилось, Софья привела Гортова в свою комнатку. Это было маленькое, девическое местечко – глядели с письменного стола плюшевые слоны и львы, и цокали язычком часы в форме сердца. Глаза у львов были хотя пластмассовые, но злые.

Они сели в кровати. Налившись фиалковым цветом, Софья застенчиво мяла в руках сухую тряпку. Гортову захотелось, чтобы хоть что-нибудь произошло, но ничего не происходило. Даже молчала старушка. Гортов слышал хруст тряпки.

– А вы здесь живете, – сказал Гортов.

– Да, – подтвердила Софья.

На столе Гортов заметил тетрадку в цветочек с надписью «Стихотворения».

– Ваше? – спросил Гортов.

– Мое, – ответила Софья, сменив фиалковый на пунцовый.

– Вы пишете стихи?

– Да, – едва выдохнула, и мягким светом зажглись ее голубые глазки.

– Можно почитать?

– Нет, – и вспыхнули еще ярче, но тут же потухли, словно перегорели.

«Какая у нее все-таки крепкая, мужиковатая шея, – подумал Гортов. – И плечи. Плечи чересчур велики. Ну что же ты, Софья, оживи хоть чуть-чуть!».

Гортов качнулся в ее сторону и неожиданно поцеловал. Поцеловал не глядя, куда-то в квадрат лица, где предполагалось, что были губы. Чувство было такое, будто целуешь обивку мебели, но хотелось еще, еще... навалиться, схватить за волосы и влезть под платье.

Снова поцеловал, и Софья уже отстранилась. Гортов подвинулся следом за ней. Они прижались друг к другу бедрами. Гортов погладил тыльной стороной руки ее шею и проворно скользнул вниз. Софья схватила его за палец – руки у нее были старушкины – цепкие. Сказала негромко, но твердо: «Нет».

«Не очень-то и хотелось», – подумал Гортов с досадой и резко встал, не стесняясь вставшего члена.

«До свидания», – сказал Гортов. «До свидания», – сказала Софья. «До свидания», – сладострастно сказала старушка, хотя пару секунд назад из ее комнаты звучал храп.

***

Потянулись рабочие дни, полные вроде необременительных, но нервных, однообразных дел. Нужно было обзванивать и созывать людей на внеочередной съезд. Нужно было готовить документацию к предстоящему вскоре митингу. Порошин расхаживал по кабинету, скучая, и рассказывал истории про знакомых попов. Одна история была про настоятеля, освящавшего коттеджи бандитов, другая – про епископа, совращавшего прихожанок. Третья – про попа, с украденными пожертвованиями сбежавшего в Грецию. Ближе к концу рабочего дня Порошина тянуло на философские обобщения, и он рассуждал о религии в целом, в частности, уверяя, что сила веры обратно пропорциональна интеллектуальному развитию.

В основном же Порошин проводил рабочий день в неподвижном страдании. Часто на него нападал абсолютный волевой паралич. В такие часы он не мог ничего сделать, и даже встать, и даже пошевелить пальцем, и только с тоской глядел как будто внутрь своего тела и пытался разглядеть там свое страдание.

Когда редакция расходилась, он оставался один и, отключив верхний свет, садился писать колонки. Колонки его назывались так: «Россия прикасается к Богу»; «Сорвем черное знамя блуда!»; «Построение нового мирового порядка антихриста как реальность наших дней».

Пьянки происходили в «Руси» регулярно. Вечера, проводимые журналистами в американском баре, а потом в борделе, они называли «кошунственными вечерами». Гортов старался по возможности избегать их.

Но вообще он быстро обживался в «Руси». Ему были по сердцу и этот вечный полумрак, и запахи пыльных статуй, воска, резких дурных духов журналиста Борткова; скрип половиц и сидений, стрекот клавиатур и странных птиц за окном, далекое, призрачное чье-то пение. «Что ж ты фраер сдал назад...», – как-то сумел различить Гортов, а потом было опять неразборчиво.

Над Славянским домом лежала вязкая тишина, удушавшая всякие звуки.

***

Наступил Покров Пресвятой Богородицы, и в Слободе были всеобщие бдения. Гортов проспал их, но явился к утру в переполненный храм. Отец Иларион читал проповедь. Прихожане тихо молились, и было много молодых.

Молясь, Гортов смотрел вокруг и грустил, что у него плохо растет борода, – отдельными островками колючей проволоки.

Люди ходили к реке и от реки, торжественные и непьяные.

Посреди улицы стоял юноша в балахоне и читал рэп: «Христос воскрес! Христос воскрес! Ради тебя он нес свой крест! Покайся и верь в Евангелие скорей».

На заднем дворе храма работала воскресная школа. Дети сидели на деревянных скамьях, и молодой поп читал им лекцию.

«Речь в сем случае пойдет о должностном отношении со стороны православного христианина к Отечеству-России, изнемогающему под русоненавистническим игом жидовским. Упомянутые мной не в меру православные наперебой учительствуют, что христианин, дескать, не должен даже и пытаться выйти на брань с богоненавистническим врагом, дабы отвоевать любезное Отечество. А должен лишь, по их льстивоглаголанному суесловию, „молиться“. Как они любят выражаться, „Россию нужно отмаливать“. Утверждение, верное по существу, становится ложью, когда противопоставляется война молитве. Но знают ли эти новоявленные ревнители православного благочестия, что такое настоящая молитва? И ведомо ли им, какова должна быть молитва, способная отмолить Россию?».

Поп откашлялся, вращая глазами. Дети сидели притихшие. Уже уходя, Гортов слышал вслед:

«...Молитвенное послание, по слову апостольскому, приравнивается к воинскому. Сие глубоко не случайно. Церковь апостольская есть Церковь воинствующая. Воспомянем и то, что исконное значение слова „аскеза“ в античности – военная подготовка. А мы как Христовы воины должны...»

***

Быт Гортова стал обустроиваться. В припадке хозяйственности он купил скатерть и шторы, и келья слегка ожила. Недалеко от дома нашелся маленький магазин в деревенском стиле – с желто-голубой вывеской над ним «Суперсельпо». Батоны хлеба лежали рядом с автомобильными шинами. Стояли тумбы брикетов вишневого киселя. Продащица сразу же любила Гортова и давала ему хорошую скидку за, как она это называла, «красивые глазки».

В основном он покупал «здоровую пищу» – помидоры и репу, чеснок, огурцы – огурцы шли в Слободе с большой скидкой. Готовил на общей кухне. Иногда Софья приходила к нему с утра, еще теплая ото сна, и приносила несъеденное старухой-переводчицей – овсяную кашу, орехи, яичницу, фрукты.

Вечером развлечений особых не было, к тому же отключался вай-фай, и Гортов раз за разом листал одни и те же бумаги с церковным инвентарем, или ходил в сторону набережной – глядеть на воду. После заката в Слободе умирала и без того не слишком кипучая жизнь. Все вокруг погружалась во тьму мгновенно – фонарей было мало, многие фонари были разбиты, или к ним еще не подвели электричество.

Соседи предпочитали не выходить из келий, но, при плохой звуковой изоляции (был слышен каждый чих и скрип – как кто-то ставит на плитку чайник или отрывает клоч туалетной бумаги), звуки жизнедеятельности доносились редко, только отдельные скучные бытовые звуки – а однажды раздался внезапный и жаркий любовный стон, после чего все звуки надолго стихли. Гортов все сомневался, а был ли он. Всю ночь ворочался и переживал. Было и стыдно, и жарко, и так волнительно, и Гортов больше не мог уснуть.

На пустыре гуляли ветра, и река чернела. В ней не было отражений, только кипучая бездна чавкала, зовя к себе. Иногда, когда Гортов возвращался обратно, подмигивал свет в окне Софьи. Подмигивал будто кокетливо и призывно, но Гортов знал, что в этот час обычно бывали перебои со светом.

Гортов встречал Софью по несколько раз в день, помимо завтрака, еще когда он возвращался с работы – а она будто специально несла навстречу ему полную утку.

Он искал в Софье зацепку для чувств, но найти ее было трудно. Все же она была совершеннейшая селедка. Всегда молчаливая, накаленно-красная, словно полено, выхваченное из печи. Он наблюдал ее зад, он колыхался, и что-то колыхалось и в Гортове, синхронно с ним, но все это было так смутно, так слабо, что нужно было забраться в самую глубь души, достать гастроскопическим зондом и рассмотреть на свету, что это было за колыхание. По утрам и вечерам Гортов слышал крики и звон, наверное, не смолкавшие и в дневное время. Как-то его разбудил крик: «Тише! Тише! Не разбуди соседей! Дура! Какая дура!» – развязно кричала бабка. А Софья, наверное, молчала, краснела. А что еще?..

Однажды, возвращаясь с ночной прогулки, Гортов увидел ее идущей от подъезда. На ней была юбка в пол и простая кофта. В каждой руке было по плотно закрученному черному пакету.

– Я провожу вас, – сказал Гортов.

– Не стоит, – ответила Софья, даже, кажется, не поняв, кто это там, в темноте.

Гортов пошел с ней. Вытоптанная тропинка терялась среди кустов. Гортов никогда не ходил по ней раньше.

– Куда ведет эта дорога?

– Куда-куда, на Кудыкину... – Софья, не договорив, ускорила, словно стремясь оторваться. Гортов тоже прибавил шаг.

Стало совсем непроглядно. Ночь шевелилась с трудом.

– Бойтесь? – кричала Софья из темноты.

– Нет.

В нос ударила злая вонь. Желтый худой фонарь вынырнул из-за угла внезапно. Стал виден большой котлован.

– Что это?

Софья не отвечала.

Гортов приблизился к ней и увидел, как вповалку лежали вывороченные баки с мусором. Валялись тюленями распоротые мешки, ребра, картофельная шелуха, неоновые пакеты из-под вредной готовой еды, обглоданные колеса. Все это лежало под окнами. Кружили ужасные злые мухи. Софья бросила не глядя свои мешки.

– Как отвратительно, – Гортов снова не поспедал за Софьей.

Так не должно быть, думал он, кутаясь в куртку. «Ведь мы всегда отличались чистотой от европейских варваров, которые не мылись, чесались, испражнялись прямо из окон замков до поздних веков. В роскошной Венеции говно плавало прямо в воде; гребя по зловонным

каналам, пели арии гондольеры. Запах не выветрился до сего дня. А мы в то же время ходили по баням, молочнокожие чистые русы», – развлекал сам себя размышлением Гортов, спеша скорее от свалки. Зад Софьи угадывался впереди во тьме.

У подъезда они остановились. На плече у Софьи болталось перышко, и Гортов без спросу снял его, попутно потрогав тело. Софья посмотрела на него уныло и тяжело, и отвернулась, чтобы идти дальше.

– Давайте выпьем вина! – крикнул ей вслед Гортов.

– Сейчас же пост, – ответила Софья.

– Значит чаю.

– Ну хорошо, ну давайте, – тускло выдавила из себя.

Хотелось плюнуть. До чего ж противно все. Противно, но все же и радостно.

«Чистые русы», – оставшись один в ночи, повторил вслух свою мысль Гортов.

***

На столе лежала кипа бумаг с пометкой Порошина «вычитать». Это были следующие статьи: «Ни цента содомитам»; «Симптомы странной любви»; «Почему я не могу молиться за Березовского»; «Либеральная ермолка и русский лед»; «Иосиф Сталин или Элтон Джон? Как пресечь разгул педерастии в современном обществе».

Гортов сварил себе кофе и стал читать.

***

Ресторан «Офицерское собрание» находился в отдельном коричневом здании, похожем на шоколадку. На нем была башенка с чугунным орлом, и мелкий и острый дождь бил по нему и по крыше.

Редакция «Руси» в полном составе жевала котлеты с гречневой кашей, ужиная. Порошин, не спросив никого, заказал водки.

– У меня есть награда, – сказал Порошин, скорее отняв бутылку у официанта и с хрустом сорвав крышку с нее. – Называется «Золотое перо российской журналистики». «У тебя есть такая награда?», – он обратился к Гортову. – «А у тебя?» – К Борткову. – «Ладно, у тебя тоже есть. Но сейчас ее дают всем подряд... А про тебя и говорить смешно (Спицину). Она стоит у меня в спальне. Я смотрю на нее каждый день, просыпаясь, и вспоминаю старые времена, – Порошин задумался и стал говорить мечтательно, с долгими паузами между словами. – „Новая“, пьянки с утра и до ночи... Когда я был молодой... Денег не было... а я и не замечал... И был счастливый».

Порошин достал платок и стал отирать глаза. Они были совершенно сухие, но зато со лба ручьями струилась вода, как по каналам, по глубоким морщинам. Он продолжал говорить, обращаясь уже скорее к себе, тихим и тусклым голосом.

– Девяностые годы... Кажется, женщины были куда красивей. В этих своих разноцветных леггинсах... Очереди в Макдоналдс. Помню, стоял как-то почти четыре часа... Хот-доги... Джинсовые комбинезоны из Китая. У меня было два... Угрожали убить. Били в подъезде, и сильно били. Не придавал значения – потому что... Смысл!

Спицин тихонько зевнул, и Порошин обернулся к нему с темнеющими глазами.

– ...Покупал детям по самой дешевой игрушке возле метро – а они радовались. Теперь могу скупить «Детский мир»...

– «Детский мир» сейчас на реконструкции, – вставил Бортков.

– ...А им не надо.

Порошин что-то сделал с лицом, словно собирался стошнить, но удержал рвоту в себе каким-то сложным движением рта и подбородка, и Гортов хотел было уже встать и уйти, забыв о приличиях, так невыносимо было это все, но тут из мрака к ним вышел знакомый лобастый человек, Чеклинин. Улыбка ползла по его лицу судорогой, и шрамы сияли на лбу как маленькие улыбки. Чеклинин сел, и Порошин сел возле него, обняв рукой с рюмкой за железные плечи. Несколько капель попало ему на рубашку, и Чеклинин приметил это едва заметным движением глаз, но тотчас показал, что это его совсем не обидело.

– Как дела, брат? – почувствованно сказал Порошин и, не дожидаясь ответа, снова вскочил, обращаясь к «Руси» и как будто ко всей публике.

– А сюда меня, кстати, привел вот этот самый человек, Чеклинин. Мы же с ним земляки – с Уралмаша. А познакомились только в Москве. Вот как в жизни бывает! – У Порошина так выкатились глаза, что, казалось, они вот-вот упадут на землю, и все бледно-салатовое лицо потекло вниз, как фисташковое мороженое на солнце. А лицо Чеклинина бронзовело, оно было словно цельный кусок камня, от которого не то что отколоть нос, но вырвать, к примеру, ресничку, казалось, можно только специальным строительным оборудованием. Невероятно, что два таких разных лица могли появиться на одной почве.

– Видите у него этот шрам? – Порошин ткнул пальцем в один из тысячи шрамов Чеклинина. – Как-то пошли с ним к блядям, это еще до «Руси» было, и тут – ни хуя себе! – он приставляет мне нож к горлу. Говорит: «Слезай». А я без штанов, ну понятно, в кровати... Ну, думаю, сейчас зарежет, если не встану. А вынимать не хочется... Короче, незаметно берусь за табурет – и хуяк! – ему по лбу... Тут он в себя пришел, конечно.

Они посмеялись и чокнулись. Гортов заметил, как во дворе под фонарем ждали двое в черных рубашках. Они стояли к бару спиной и, скорее всего, ждали Чеклинина. Они не мерзли, и даже рубашки еще расстегнули, а на козлах в это же время прыгал замерзший ямщик в куртке.

– Что ж вы, ребята! – заговорил Чеклинин. – Читайте я ваши статьи, но что-то нет в них жизни. Все сухо и как будто по схеме накатано. А надо, чтоб каждое слово вбивалось, как осиновый кол, в грудь либеральной гадине, – и он выставил вперед свою грудь.

– Будем стараться! – с усмешкой рапортовал Порошин.

Все снова чокались. Приносили супы и закуски.

***

Через некоторое время Бортков ушел в туалет, а вслед за ним пошел Чеклинин. Их долго не было. Воцарилась тягучая тишина, и не отоспавшийся Гортов закрыл глаза и стал дремать, пристроившись к стенке.

Приоткрыв их опять, он увидел стоявшего прямо над ним Чеклинина, дышавшего на него и державшего его за плечо. Сквозь полусон доносился, как из пещеры, голос: «Я свинью пробиваю насквозь одним ударом – это как дубленку пробить», – при этом Чеклинин держал круглый столовый нож двумя пальцами, которым тыкал в воздух возле лица Борткова. Бортков остоленел.

Гортов вздремнул еще немного и снова увидел Чеклинина, который говорил:

– Скажу вам честно, ребята. Мне это тоже не нравится. Знаете, почему я здесь? Как думаете, почему? – Гортов сунул голову за спину сидевшего рядом Спицина, чтобы меньше слышать Чеклинина, но тот продолжал.

– Я диабетик! Я больной человек! Мне необходима политическая стабильность! – говорил тонко, несоразмерно своему телу Чеклинин, а Гортов с вялым раздражением думал, почему им всем непременно нужно облегчить перед ним свое сердце.

Он не унимался долго, и Гортов что-то, в тумане, ему отвечал. Порошин и Спицин спали.

Распрошавшись с Чеклининым, они остановились на мостовой возле брички. Разъехались все, кроме Гортова и Борткова. Бортков стоял в стороне от всех с бескровным печальным лицом, смотря себе на ноги.

Гортов подошел к нему и спросил, что случилось. Бортков не откликнулся. Гортов тронул его за плечо, и тогда Бортков завопил, бросившись к нему с безумными перекошенными глазами, весь мокрый, ошарашенный, словно только что вынырнул со дна глубокой речки.

– Ты не понимаешь, что сейчас случилось! – Бортков потянул его вниз за лацкан, будто требуя упасть перед ним на колени. – Когда мы ушли вдвоем... он сорвал с лица маску. Его лицо было маской, можешь понять? Там была волчья пасть. Пасть, понимаешь?! Он чуть не откусил мне голову! Он черный маг... он хотел гипнотизировать нас, он хотел... Я защищал нас! Я выставил энергетический щит! А он хотел...

Бортков захлебывался и задыхался, на лице у него выступили сосуды.

– Кто? О ком ты? – Как можно сочувственнее спрашивал Гортов, при этом стараясь извлечь из руки Борткова лацкан пиджака, который тот крепко удерживал.

– Чеклинин. Чеклинин. Чеклинин... – он повторял это как заклинание, озираясь и пригибаясь к земле.

– Да чего там, обычный гопарь, – пожав плечами, сказал Гортов.

– Не понимаешь!.. – почти зашипел он.

– Тебе надо домой! Я отвезу тебя.

– Ты мне не веришь, да? – бросился к нему Бортков, и вся левая сторона лица Гортова оказалась в разбрызгавшейся слюне Борткова.

– Конечно, верю, – Гортов наконец-то сумел высвободить рукав.

– Не веришь, – Бортков сел прямо на землю, скрестив ноги. Тяжелым комом упали ему на глаза седые волосы, и он не поправил их. Он стал говорить тихо, как будто уже только себе. – А он бес. Чеклинин – бес. Ты не знаешь!.. Он спрашивал про тебя!

– И что спросил?

– Спросил – какой ты национальности.

– Бесы такое спрашивают?

– Хватит! Не смей! Не шути! – Бортков завыл, подскочил, побежал куда-то в сторону мусорки. – Ты не понимаешь!.. Здесь, в Слободе, людей убивают. В землю закапывают, еще живых. Пока не поздно – беги! – кричал он, сам убегая в ночь.

Его голос еще долго звучал: «Беги, беги»

На следующий день Бортков слег с температурой.

***

Софья сидела в скучном и сером платье и в шали на круглых плечах. Косы были закручены на затылке в бараньи рожки. Водя по подбородку полной рукой, словно стирая что-то налипшее, она сидела над раскрытым меню и напряженно вчитывалась.

Гортов спросил, что бы Софья хотела себе заказать, на что она с обидой ответила, что ничего не хотела.

– Что значит «ничего»?

– Ладно, стакан зеленого чая, – подумав и помолчав, сказала Софья.

Гортов заказал себе сто грамм коньяка и сразу же выпил. На это Софья неприязненно повела плечиком, помешав уже растворившийся сахарок. Гортов заказал еще пятьдесят.

Софьина угловатость и простота уже казались ему трогательными. Гортов подумал о том, что кожа на животе у нее, наверное, белоснежная и чуть обвисшая. Мягкой и, наверное, тоже слегка обвисающей была тяжелая грудь. А белье у нее было простое, хлопчатобумажное и тоже белое.

– У вас перхоть, – сказала вдруг Софья.

Гортов понял, что сидел последние пять минут, сложив голову на ладонь и приторно улыбаясь. Но тут подобрался, посерьезнел, отряхнул плечи.

– Есть хороший лечебный шампунь. Натуральный. У вас сухие волосы?

Преодолев подступившее раздражение, Гортов сказал:

– Не знаю. Да вот... совершенно не успеваю заняться собой. Весь, знаешь ли... знаете ли, погружен в работу. Вам интересна политика?

– Совсем нет. Не пойму, что же там может быть интересного.

«Да уж, не то что мыть стариковские жопы», – злобно подумал Гортов, но вместо этого сказал: «А я не знаю, что может быть интересней политики! Это ведь столкновение амбиций, идеологий, истории, страстей, человеческих судеб... Все смыкается в ней...».

– Это все масоны – убежденно сказала Софья.

– Масоны?

– Да, масоны всем управляют.

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Не нужно этим интересоваться. Все равно без нас все уже решили.

– Вот как, – сказал Гортов.

Принесли горячее и салат. От телячьей отбивной шел живой и горячий пар. Гортов пронзил отбивную вилкой, и мутный сок забрызгал его и Софью.

Все тот же суетящийся дед повторял откуда-то из подсобки свое: «Содом! Содом!».

***

Был нежный, почти что приморский вечер, хотя и в октябре. Они шли по узкой дорожке к дому. Светили редкие фонари. Луна висела медная и горячая, будто это была не луна, а солнце. Дорожка блестела, как чешуя, и к ней тянулись из ночи ветки. Казалось, опять сейчас выйдет из-за деревьев человек в кепке и скажет: «Чего здесь затеял? Иди, иди...».

Они шли вдалеке друг от друга, как поссорившаяся пара. Гортов приблизился к ней и произнес:

– Вам нравится ваша ра... А хотя я другое хотел спросить. Софья, вы собираетесь замуж?

– За вас? – спросила Софья угрюмым тоном. Ее рот слабо улыбался, а в руках она несла, как младенца, пакет с недоеденным. – Мне и думать об этом некогда. Инну Ивановну не могу оставить надолго, еще учеба, курсы. А неученая...

– А может, женюсь, что здесь такого. – Перебил ее мысль запоздавшим ответом Гортов.

– ... Неученая я все равно никому не нужна, – довершила свою мысль Софья, как будто не слыша Гортова.

Уже возле дома он осторожно взял ее за руку. Софья дернулась и замерла. Они остановились. Гортов почти не различал Софьиных черт. Наклонился вперед и поцеловал, промахнувшись: угодил куда-то между щекой и ухом, – Софья поежилась, отвернулась, вырвала руку.

Входя в подъезд, Гортов еще чувствовал почти детское чистое счастье, а после первых ступенек накатила густая, медовая, перебродившая похоть. Руки его сладострастно дрожали. Возле двери в келью он напал на Софью, привалив к стене. Жадно стал целовать, суясь языком, Софья часто дышала, большая, теплая. Внизу ее живота Гортов нащупал влажный жар. Он сунул руку под платье и тут же получил грубый тычок в грудь. Сверток с едой упал на пол. «Спокойной ночи», – Софья скрылась.

Гортов долго еще стоял, потом сидел перед своей дверью. В задумчивости сосал влипшие в ужин пальцы. Зажег свет в келье, лег на кровать. Он снова читал описи:

«Сосуд для освещения хлебов медный, чеканной работы, с тремя литыми подсвечниками побелен, весом 3 фунта.

Укропник медный.

Чайник для теплоты красной меди внутри луженый, весит 1 фунта.

Церковная печать медная с деревянной ручкой...».

***

Следующей ночью к Гортову поскреблись в дверь. Вскочил, разбросав листы, и побежал открывать – Софья. У Софьи были дикие кошачьи глаза, она бросилась первой, вцепившись в губы. Они упали, переплелись – дверь так и осталась открытой. Трепещущими руками Гортов попытался справиться с замком на платье, но не сумел, только сколол ноготь, тогда взялся за волосы, кое-как разжал гребешок, дернув прядь.

Софья испуганно ойкнула.

Посыпались на лицо колкие волосы. Она сама расстегнула замок, и Гортов потащил вниз упиравшееся хваткое платье. Выступили белые берега, белый живот и руки. От Софьи пахло рабочим потом и немного – соседкой-бабушкой.

Софья шумно целовалась и хрипло вздыхала, Гортов страстно боролся с лифчиком, с хрустом что-то порвал, он подался, бросил его под кровать, на кровать повалил Софью. Она же вдруг как будто перестала дышать, запунцовела, стала отталкивать Гортова. «Плохо... плохо... воды... не могу».

Гортов поднес стакан. Софья хлебнула было, но взгляделась в дно. «Что это?», – на дне плавала какая-то шелуха. Гортов наполнил стакан заново.

«Что с тобой?» – Он аккуратно присел у ее ног, и Софья тут же поджала ноги.

«Я не знаю», – она села на край, часто и отрывисто задышала, скрестив ноги и беззащитно держась одной рукой за горло, а другой, нелепо и часто, как утка короткими перьями, стала махать возле лица, разгоняя воздух.

– Пожалуйста, выключи свет.

Выключил.

– Нет, нет, лучше включи и закрой, наконец, дверь, пожалуйста...

Софья дышала все громче, краснея все больше, хрипя и надуваясь.

– У тебя аллергия?

– Не знаю... У меня, кажется, горло распухло... и тошнит. Нет, это нервное. Ты прости. Пойду я.

– Может быть, сделать чай? Посиди, успокойся. – Гортов хищно шагнул по комнате, сам не зная чего ища.

Софья быстро оделась, собрала в руку порванный лифчик, осторожно, двумя руками, как еле живое животное.

– Прости, извини...

Гортов долго сидел и смотрел на дверь. За стенкой скрипела кроватью старушка.

***

Освободившись на работе пораньше, Гортов, как в бреду, неся домой, не различая дороги, прохожих, неба. Мимоходом взглянул в слепые окна на своем этаже и быстро взбежал по лестнице. Сам себе он казался сильным, властным, порывистым и представлял, скрежеща зубами, как срывает одежду с Софьи, как толкает ее на кровать... рот, мокрый и жаркий, много рта, задирает платье, а там... Сука, вот сука! Зрачки Гортова стали как обожженные лезвия, и каждый мускул звенел.

Он постучался в дверь. Никто не открыл. «Кто там, бандиты?», – с ноткой не страха, но любопытства пропел голос больной из далекой комнаты.

– Это сосед, – прокричал Гортов.

– Ах, Андрей... Входите, не заперто.

Бабушка была одна в келье. Лицо ее было розовым и смешливым.

– Как хорошо, что вы пришли. Софья пошла за продуктами, а я забыла попросить... сводить меня на горшок. Думала, ненадолго, а она пропала... Мне, конечно, очень неловко просить... – Гортов все понял. Ее глаза хохотали.

Утка стояла на шкафчике в общей ванной. Повертев ее в руках с муторным ощущением, повздыхав, Гортов вернулся в комнату. Бабушка с энтузиазмом подняла юбки. «Помоги снять трусы», – услышал Гортов где-то издали, словно с небес, и едва не выронил утку. Она перешла со мной на «ты» – подумал Гортов, и ему сделалось невыносимо. Стараясь не касаться комков плоти, но беспрестанно касаясь их, Гортов двумя пальцами потянул вниз каемку трусов. Бабушка шевелилась, важничала, без умолку говорила что-то со светской непринужденной интонацией.

Гортов с трудом протолкнул утку под тело. «Глубже, глубже», – распоряжалась бабка. Вдруг Гортов почувствовал, как горячее потекло по руке. «Ой, ой! Мокро, поправь, скорее!» – она завизжала, и Гортов вскричал вместе с ней.

У двери затопали ноги. Вбежала Софья, заспанная, бледная и напуганная. Она сразу бросилась к бабке, перехватив утку. Гортов стоял в стороне, ошеломленный, смотря на свою руку.

– Вот, вот, хорошо, умничка, умничка...

Было слышно, как заполняется утка.

***

Бортков выбыл из строя очень не вовремя – до митинга оставалось меньше недели, и работа шла самая интенсивная.

Гортов до ночи сидел под бледной лампой и сочинял речи. За окном билась в припадке осень. Ставни дрожали, шли ходуном, кабинет наполнялся хрустом и свистом. Как будто злой великан, весь из тумана и мокрой грязи, хотел разгромить кабинет. «Голем», – думал Гортов насмешливо, а ближе к ночи уже и со страхом. Лики икон мягко светили из тьмы, оберегая.

Речи писались сочные и идеально глупые. Освоив вокабуляр и риторический инструментарий, Гортов штамповал их как на конвейере. К примеру, в один присест он написал большую злую статью про толерантность, маленькую, но едкую – про либералов, а также две заметки про крещение и пост.

За стенкой сидели понурые женщины. Опустив на ватман глаза, они чертили красной и черной красками плакаты про русский народ и олигархов.

Вечером Славянский дом оживал сотнями звуков. Люди бродили туда-сюда. В открытой аудитории, которой заканчивался коридор, читались лекции по истории Византии, устраивались уроки греческого языка для женщин, пел мужской бородатый хор, а также шли православные дискотеки – Гортов не посещал их, а, напротив, запирался на ключ, когда слышал, как вдали начинается музыка. Порошин на работу почти не являлся.

Как-то Гортов услышал, что возле дома копают землю. Спицин тогда пошутил, что это кто-то дедлайн сорвал.

***

Съезд становился все ближе, а Порошин пил уже ежедневно, с утра, пьянея от первой рюмки. После водки он переходил на вино, потом пиво, коньяк, виски – как дитя у кондитерских прилавков. Он мрачнел, начинал скандалить, ругаться с обслугой, бил посуду, рвал и бросал к ногам официантов деньги. Он смотрел на «Русь» невидящими глазами и что-то грозное бор-

мотал под нос. Однажды он швырнул табуретом в Спицина и, промахнувшись, разбил стекло в «Офицерском собрании».

К утру его на руках заносили в дом. Под землистым лбом закатывались глаза, нитка слюны свисала, он с шумом выпускал газы и падал навзничь, проваливаясь в диван. Печальный слуга Васька-младший, не произнося ничего, погребал его под одеялами.

Он спал, может быть, час или два, и снова был на работе, с искаженным болью лицом и с рюмкой. Его колонки становились все яростнее.

***

Одним утром Гортов встретил Порошина нарезающим косые круги возле парка. Лупоглазый и влажно-красный, как вылезший на песок рак, он заглядывал в мусорные корзины и под кусты с таким видом, будто заглядывал в энциклопедию. Он неопрятно курил, весь его пиджак и потертые брюки были посыпаны пеплом.

Гортов надеялся проскочить мимо, но Порошин окликнул его: «Стой! Там освящают!».

Гортов остановился. Порошин уже настигал его, уточняя:

– Освящают. Наш кабинет. Кадила и поп, и свечи. Водичкой поплещут, потом уйдут.

Взяв Гортова под руку, он направился вглубь парка – между плакучих лип, мимо накренившегося кустарника, промокнувшего длинные, черные как ресницы ветки в черно-зеленую ледяную воду. Подморозило, и Гортов озяб, хотя даже надел перчатки, Порошин же будто сбежал из горячей кастрюли – от красной кожи чуть не валил пар.

Шли в тишине, только противно, как кость, под ногой хрустела мелкая галька, и пруд лизал берег со страстным шумом.

– А зачем освящают? – спросил Гортов.

– Этот вопрос уведет нас далеко вглубь веков, – сардонически проговорил Порошин. – А у нас мало времени. Чем ты там занимаешься?

– Где, на работе?

– На работе, дома... Чем наполнены дни твои, кроме как грустной дробочкой?.. – Порошин покровительственно похлопал его по плечу, заодно растрепав волосы. – А, впрочем, это неважно. – Порошин в томлении тер жаркую грудь под рубахой. – Ты хорошо работаешь, Гортов, ты делаешь больше других. Я поговорю с Иларионом, чтобы тебе подняли зарплату.

Когда они зашли в кабинет, пахло ладаном, и всюду были видны водяные капли.

– Чувствуешь, Гортов, Святой Дух? Нас высвободили от бесов. Теперь работа пойдет гораздо быстрее. В прошлый раз они окропили водой клавиатуры, и работа на два дня остановилась.

Было душно, и Гортов открыл окно, с тревогой косясь на Порошина. Во взгляде его была сумасшедшая радость.

– Душа распускается и поет, – прокомментировал он свое выражение. – Ты чувствуешь, Гортов, чувствуешь, признайся, духовное обновление? Или тебя корежит, а, Гортов? Или от русской святости тебе становится трудно дышать? За этим ты открываешь окно, Гортов?

Порошин щелкнул тумблером на блоке питания, и компьютер ожил с недовольным гулом. Порошин сел.

– Я хочу тебе признаться, Гортов. Вчера я зашел в магазин возле дома. Там стояли трое прекрасных русских детей 16-ти лет. С глазами серыми, глупыми и печальными, как русское небо, как русское море, как русское поле, как русское все... Как жизнь русская. Они хотели купить бутылку портвейна, но им не хотели ее продавать. И знаешь, я сам вызвался и купил им портвейн, они дали мне денег, хотя я мог купить им портвейн на свои, мне это совсем ничего не стоило. Ты знаешь, Гортов, за ночь я иногда могу спустить и по двести тысяч. Но я взял их деньги из принципа, понимаешь меня? Я купил, но сдачи им не отдал. Какие-то мелкие

железные деньги. Рублей, что ли, пятнадцать. И знаешь, когда я вернулся домой и лег спать, я чувствовал счастье. Слезы лились из глаз. Знаешь из-за чего? Понимаешь? – Порошин дотянулся до Гортова и ткнул его кулаком в плечо, побуждая к активной реакции. – Я был счастлив оттого, что спойл русских детей и ограбил их. Беспримесно счастлив от этой мысли, Гортов, ты можешь это понять? Гортов! Гортов...

Порошин кинулся к разгоревшемуся монитору. Выкрутил вправо ручку колонки, и вдруг заиграла «Хава Нагила». Он распахнул дверь и забегал по кабинету, подпевая своим жутким басом: «Ха-ва нагила Ха-ва нагила! Хава нагила вэ-нисмэха!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.